

Если любишь — отпусти...

Отказать
Пигмалиону

роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Наталия Миронина
Отказать Пигмалиону

«ЭКСМО»

2014

Миронина Н.

Отказать Пигмалиону / Н. Миронина — «Эксмо», 2014

Два брата, замкнутый Вадим и любимец публики Юрий, с детства не могли найти общий язык – слишком они были разные. Впрочем, до последнего времени делить им было нечего. Все изменилось, когда в их жизни появилась Аля. Тонкая, звонкая, талантливая. Будущая звезда. Ее голос пленил Вадима, ее красота покорила Юрия. Братья вступили в бой за сердце юной сирены. Но кого полюбит она?..

© Миронина Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Конец	6
Потери и приобретения	8
Старшенький	18
Младшенький	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталия Миронина

Отказать Пигмалиону

© Миронина Н., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Конец

Он терпеть не мог Рождество в Нью-Йорке. Неугомонный город не затихал даже в Сочельник – вечер, предназначенный для тихих семейных радостей. На смену жителям предместий заступали туристы, желающие во что бы то ни стало отхватить от огромного города свою часть праздника. Впрочем, Центральный парк, на который он сейчас смотрел, был тих и почти уютен. Почти, потому что Нью-Йорк никто никогда не назовет уютным. В этом городе немислимый драйв, какой тут может быть уют при таком нерве. А парк был красив даже в сумраке – листва, сохранившая краски осени, изморозь на ветках, зелень газона, поблекшая, оттого ставшая благородной. Зимний вечер превратил пейзаж в акварель размытого темно-лилового тона.

Он стоял у огромного окна с витиеватой рамой, а его плечо касалось тяжелой шторы с изображением «французской лилии». От шторы неожиданно пахло корицей. «Почему она выбрала этот роскошный старый дом-крепость, этот почти что замок Дракулы?! Из-за его славы?! Или потому, что ее слава теперь так велика? Впрочем, что гадать! Я никогда не мог до конца понять ее...» Его мысли закрутились вокруг слова «конец»: «А ведь и правда это – конец. Конец всему, что могло иметь продолжение. Счастливое, спокойное, надежное. Продолжение, которое и не нужно было раньше, а теперь его невозможность представляется мне трагедией. Это – конец. И в нем виноват я. Затея была бессмысленной. Если любовь можно назвать затеей. Коварство? Интриги? Все – не то. Это были любовь и ошибка. Сейчас я за них расплачиваюсь».

Мужчина отошел в глубь огромной гостиной, и на мгновение в тусклом вечернем свете в окне отразился его облик – высокая фигура в темном костюме, узкая строчка белоснежных манжет и треугольник сорочки. Он был красив, статен, но стекло скрыло черты его лица, придав всей фигуре зловещую недосказанность. «Может, это было шуткой? Ценой в несколько лет? Хотел ли пошутить над ним, пошутил над собой. Может, я хотел ему отомстить? Отомстить за то, что он меня не принимал всерьез. Никогда, даже в детстве. Никогда не завидовал, никогда не считал соперником. Он был равнодушен ко мне, а мне сначала хотелось привязанности. Или дружбы. Но такой, настоящей, с секретами и клятвами, с тем самым чувством родства, которое сильнее всех других. Потом захотелось вражды. Тоже настоящей, с привкусом крови. Вражды значительной, долгой. Родственной, тоже с тайнами, но уже иными, некрасивыми. Потом, когда стало понятно, что ни того, ни другого в наших отношениях никогда не будет, захотелось соперничества. Легкомысленного, веселого соперничества. Мне всегда хотелось, чтобы он имел ко мне отношение. Хоть какое-нибудь! Но он меня не замечал. Как глупо сейчас это все звучит. Как по-детски. И не верится, что прошлое могло привести к такому будущему. Но ведь привело. Привело к концу». – Он подошел к большому креслу, на которое был брошен мех, на вид прохладный в своей шелковистости. В какое-то мгновение он наклонился и погладил его рукой. Потом поднес ладонь к лицу. Опять запах корицей. «Это ее духи. Мед с корицей. Сладкое и пряное...» И в этот момент он понял, что в комнате не один. Как давно она была здесь, он не мог сказать.

– Спасибо, что приехал. Я не хотела объясняться по телефону. – Женщина выступила из мрака, и он залюбовался ею. Она была так хороша, что зануло сердце. Это ощущение внутренней боли его преследовало все время, пока они были вместе. В первые дни знакомства – при взгляде на милое, доверчивое лицо. Затем – от страха потери, от сомнений в ее любви, от предчувствия неизбежной разлуки. Сейчас, в минуту расставания, сердце заболело тяжелой, злой, неизлечимой болью. В этой боли были гнев, бессилие, растерянность.

– Ты все уже решила? – спросил он.

– Да. Только ничего не спрашивай. Вот. – Женщина положила на стол какие-то бумаги. – Это деньги, которые ты мне подарил. Я не истратила ни копейки. Все в банке на счете и в сейфе. Спасибо, что ты так обо мне заботился. Но вложение денег в женщину – не самая лучшая идея. Мы – скрытны, переменчивы, непостоянны. Я не смогла пользоваться этими деньгами, хотя и знаю, что они от чистого сердца.

– Я почему-то догадывался, что эти деньги ты не тронешь. И понимал почему.

– Потому что я не могла обещать тебе будущее.

– Ты даже не старалась!

– Не кричи. Ты не прав. Я старалась. Но ты так устроен: все, что тебе мешало, не нравилось, что ты не мог изменить, ты отодвигал в сторону. Ты это предпочитал не замечать. Впрочем, что я объясняю, и так все понятно. – Она вдруг повысила голос, но тотчас же смягчилась. – Извини. Мы уезжаем сегодня из Нью-Йорка. В том, что произошло, – наша с тобой вина. Не его. Обещаешь мне не злиться? Вам ведь нельзя ссориться.

Мужчина промолчал. Женщина помедлила, взяла с кресла меховую накидку и вышла из комнаты.

«Мать была права, и преступным легкомыслием было чувствовать себя победителем в то время, когда соперник не чувствовал себя побежденным!» – Он опустился в глубокое мягкое кресло и замер, не имея ни малейшего желания двигаться.

Старинный уважаемый жилой дом, именуемый «Дакота», принял еще одну человеческую тайну.

Потери и приобретения

Сквозняк гулял по ночной квартире, хотя с вечера все окна были тщательно прикрыты. Сквозь сон Варвара Сергеевна услышала какой-то шорох, тихий стук и характерный звук выдвигаемого ящика старого письменного стола. Открыв глаза, она обнаружила, что постель мужа пуста. Накинув халат, Варвара Сергеевна бесшумно прошла в кабинет. Там, за столом, в пижаме сидел Алексей Владимирович. Перед ним на столе лежали какие-то бумаги, папки, портмоне.

– Варя, попроси всех детей собраться на обед в воскресенье.

– Это еще зачем?!

– Попроси, и все.

Варвара Сергеевна посмотрела на мужа. На его щеках был почти кирпичный румянец, глаза блестели, как у человека с высокой температурой. Она не стала спорить, не стала просить вернуться мужа в постель, а только тихонько вышла из кабинета, оставив Алексея Владимировича наедине с его думами.

Большие бирюзовые сережки с массивными лапками были любимым украшением Варвары Сергеевны. «Мелкономенклатурная бирюза» – так говорила о них ее подруга и соседка Жанна. Сама Жанна носила только бриллианты, причем было совсем не важно куда – на рынок с водителем мужа, в Большой театр или в школу за детьми. «Ну-ну, наступили времена, что мы все стали мелкономенклатурными, а то и вовсе...» – Варвара Сергеевна еще раз посмотрела на себя в зеркало, вздохнула и подошла к окну. Там, за широким, почти во всю стену, стеклом застыли Патриаршие пруды. Была зима, но, против обыкновения, огромная фигура Деда Мороза посреди пруда не стояла, разноцветные фонарики развешаны не были, музыка не играла. Через один горели обычные фонари, и в этом полумраке скользили немногочисленные конькобежцы. Глыбы обмерзшего, похожего на плохую соль снега облепили ограду сквера, загородили проезжую часть Малой Бронной и превратили пешеходные тропинки в опасный аттракцион. «Весь город потонул в грязи, зато новая жизнь и свобода. Да на черта она нужна, эта новая жизнь!» – Варвара Сергеевна в сердцах запахнула плотные шторы, зажгла большой югославский торшер и села в кресло. Она ждала мужа с работы и боялась, что услышит от него самое плохое, что мог услышать партийный чиновник высокого ранга в эти смутные времена. «Хоть бы не уволили, хоть бы не уволили!» – Это заклинание она повторяла уже второй месяц. Эти же самые слова про себя повторяли на всех этажах этого дома – дома, принадлежащего управделами ЦК КПСС и населенного когда-то благополучными, сытыми, уверенными в себе людьми. Дом был светло-желтого кирпича, с большими дубовыми дверями, с огромным холлом на первом этаже, где распоряжалась не какая-нибудь консьержка, а сидели плотные молодые люди в одинаковых серых костюмах, белых рубашках и темных галстуках. Эти молодые люди смотрели за порядком в доме, во дворе, вызывали при необходимости из правительственного гаража машины.

Сейчас все было уже не так. Молодых людей не было, не было машин – ни черных «Волг», ни «Чаяк». Снег и лед никто не расчищал с широких мраморных ступенек при входе. Обитатели дома, затаив беспокойство и выказывая раздражение, по вечерам ходили друг к другу в гости, пили из старых запасов дорогой коньяк и виски. Жены в этих собраниях участия не принимали. Они сидели в других комнатах и пытались поддержать себя разговорами о пустяках. Удавалось им это плохо – пример их соседа, внезапно скончавшегося уважаемого Петра Силантьевича, был устрашающим. Петра Силантьевича, пришедшего на работу в свой дубовый кабинет, оставили без секретаря, без света и без телефонной связи. Говорят, на его этаже даже отключили воду в туалетах. Только так, видимо, можно было справиться с несговорчивым

влиятельным партийным деятелем. Петр Силантьевич умер на руках у своей жены через два часа после того, как обескураженный вернулся домой. Соседи поговаривали, что его можно было спасти, но «Скорая» то ли застряла в нынешних московских сугробах, то ли вообще не выехала. Вдова и дети покойного после похорон переехали на госдачу, но буквально через неделю вернулись опять в Москву – дачное управление распорядилось их дом отдать какому-то вновь образованному комитету. Из всех жильцов только старый большевик Коткин сохранил язвительное спокойствие и неуместно подшучивал над соседями:

– А что вы хотите? В семнадцатом году мы же всех буржуев повыгоняли, повыселяли...

Соседи на такую бестактность пытались не реагировать. К тому же сам Коткин не мог помнить о событиях одна тысяча девятсот семнадцатого года, поскольку было ему тогда всего два года.

Новая жизнь, наступившая так внезапно, пугала своей неаккуратностью и отсутствием всякого уважения. Варвара Сергеевна, дама практичная, могла бы обойтись без чистых тротуаров, персональной машины, тем более в гараже стояли собственная «Волга» и привезенный из ГДР «Фольксваген», но она с ужасом понимала, что страшное слово «безработный», это клеймящее какую-то другую жизнь определение, может коснуться ее мужа. Сбережения у них были, хотя и наполовину обесцененные, были бриллианты, были дорогие антикварные вещи и картины. Но... «Не буду же я у Большого театра ими торговать, как тетки из Литвы, что сыром копченым торгуют», – ужасалась Варвара Сергеевна и периодически проводила ревизию шкафов. Ее в какой-то мере успокаивали стопки новых, еще в упаковках лежащих вещей – кожаные перчатки, дорогие платки и шарфы, джинсы, меховые шапки. «Какое счастье, что я не слушала Алексея и в ГУМе отоваривалась «с запасом». Варвара Сергеевна помнила, что муж страшно ворчал и стыдил ее:

– Ты что делаешь, зачем тебе столько перчаток? Еще подумают, что я спекулирую вещами!

– Брось! – отмахивалась жена. – Не знаешь, сколько сегодня набрала Величко!

– Что тебе Величко, у них сама знаешь кто там. – Алексей Владимирович многозначительно указывал пальцем вверх.

– Слушай, не ворчи, кому какое дело, сколько я купила перчаток! Что ты в самом деле?!

– Есть кому интересоваться, а потом, извини, по какой цене ты их покупаешь?

Это была правда. В этом волшебном месте цены были такие, словно наступил коммунизм. Не говоря уж об изобилии.

Теперь, глядя на свои запасы, Варвара Сергеевна, понимала, что была права. «С голоду не помрем, еще и дача есть своя, и квартиру успели для Вадима получить. Не пропадем», – успокаивала она себя, но страх перед этой неожиданной волной перемен не проходил. Кроме мужа, ее беспокоили дети. Погодки, они уже все были студентами престижных вузов, но то, что лихие времена скажутся на их судьбе, в этом уже не было сомнения. Первый звоночек прозвенел в Бауманском институте, где учился старший, Вадим. Его практика в какой-то лаборатории в Англии, которую пробил отец, отменилась. Выяснилось, что Бауманский институт не любит посылать в капиталистические страны своих студентов. «А раньше это кафедре было неизвестно? – саркастически подумала Варвара Сергеевна. – Все вы, голубчики, знали, просто раньше вы спорить бы даже не стали. А теперь, пожалуйста!» Больше всего в доме удивились реакции самого Вадима. Он остался спокоен, могло показаться, что даже доволен.

– Я тебя не понимаю, – однажды спросила раздраженно мать, когда сын приехал в воскресенье пообедать.

– Что именно тебе не ясно?

– Почему ты не добиваешься поездки?

– Не хочу, думаю, что здесь сейчас интересней будет. – Вадим невозмутимо уставился в газету «Московские новости».

– Что значит – интересней? Поясни. – Мать удивленно всплеснула руками и вдруг неожиданно зло крикнула: – И убери эту дрянь со стола! Чтобы отец даже не видел, что ты читаешь!

Вадим аккуратно сложил газету, положил ее рядом. Варвара Сергеевна последнее время особенно тщательно оберегала мужа от всего того, что лилось, сыпалось и извергалось из средств массовой информации. Она почти не задумывалась о сути напечатанного там – ее беспокоило то, что муж после очередной статьи долго не мог успокоиться, что-то про себя ворчал или, что хуже всего, сидел в своем кресле молча, не реагируя на домашних. Варвара Сергеевна пыталась отвлечь мужа, но это было почти невозможно. Ее неуклюжая и смешная попытка – она на видное место положила кассету с фильмом «Греческая смоковница», надеясь, что это изменит вектор интереса, – закончилась провалом. Алексей Владимирович, обнаружив эротику среди журналов, газет и телевизионной программы, в сердцах зашвырнул кассету под диван.

– Ты что это?! Анька же здесь вечно в газетах копается!

Возмущенно пыхтя, Алексей Владимирович уселся смотреть обличительную программу «Момент истины». Варвара Сергеевна смутилась, но все равно газеты и журналы с особенно острыми статьями от мужа прятала, а во время телевизионных передач пыталась всячески отвлечь его внимание.

Сейчас, глядя на рассеянно обедающего Вадима, Варваре Сергеевне стало совестно за свой крик. Тем более что женившийся сын уже несколько лет жил в двухкомнатной квартире у Белорусского вокзала. Квартиру выхлопотал отец. Помнится, тогда Варвара Сергеевна огорчалась, что сын будет жить не на соседней Спиридоньевке в таком же престижном доме, как у них, а у Белорусского вокзала в начале улицы Горького.

– Ты совсем заелась! Он что, ее сам заработал? – Муж возмущался громко и неподдельно.

Варвара Сергеевна тушевалась, но сама упрямо думала, что, например, Величко как-то смогли свою дочку отселить в престижный дом.

Варвара Сергеевна сама следила за ремонтом огромной квартиры, настояла на том, чтобы муж позвонил куда надо и сантехнику установили югославскую, паркет настелили новый, дубовый, с замысловатым рисунком из более темных тонких дощечек. Кухонный гарнитур, посуда, постельное белье – все было расставлено, разложено, прибрано и благоустроено. Живи – не хочу. Вадим, вероятно, не очень хотел. Или на то были причины, о которых не очень внимательные родители не догадывались.

– Не понимаю нашего сына: девок, что ль, водить не хочет?! – удивлялся Алексей Владимирович вечером за своей дежурной порцией коньяка.

– Он свою единственную ждет, когда она все экзамены сдаст. А у тебя все на уме девки, – вскидывалась жена, тут же припоминая жгучую инструкторшу из райкома комсомола, с которой Алексей Владимирович когда-то закрутил роман.

– А что? Я в его возрасте...

Что он делал в возрасте своего сына, Алексей Владимирович уже помнил плохо – все силы, весь дух у него ушел на овладение приемами подковоерной игры. Без этого умения усидеть в кресле столько лет ему бы не удалось.

Варвара Сергеевна думала о том, что средний сын – Юра – тоже студент, но только уже факультета журналистики МГУ, уж точно ни минуты бы не задержался в родительском доме. Характеры у сыновей были разные – Вадим был «вещью в себе», молчаливым, неприветливым. Юра же легкий, улыбочивый, разговорчивый, всегда находил хорошие слова для всех вокруг без исключения, умел занять беседой как друзей родителей, так и однокурсников и случайных знакомых. Юра так мог рассказать забавный эпизод, что было не только интересно, но становилось очевидно, что сам Юра – человек, умеющий видеть то, что на поверхности не лежит.

– Он светский человек, весь в меня, – любила говорить Варвара Сергеевна, ласково поглядывая на сына. Чего греха таить, Юру она любила больше. Вернее, с ним она всегда находила

общий язык, всегда его понимала. В то время как с Вадимом ей было тяжело и непонятно. Его вечная угрюмость ее пугала и раздражала. Красивые девушки Юры пестрой, веселой чередой шли через их кухню и гостиную, оставляя в душе матери гордость за выбор сына и беспокойство из-за его любвеобильности.

– Скажи, ты насколько серьезно относишься к Нине? – пыталась она его очередной раз.

– Это к какой? – шутил сын.

– Брось, смотри не наделай глупостей! – притворно гневалась мать.

– Он просто бабник, – резюмировал отец опять же после рюмки коньяка.

Юра в отличие от Вадима учился плохо. У него были «хвосты» по всем основным предметам, но на факультете его любили и прощали очень многое. Большинство думало, что это из-за высокопоставленного отца. И зря, Юра действительно был приятен и обаятелен в своем разгильдяйстве. Наконец, он был просто красив.

Дочке Ане, позднему ребенку, исполнилось восемнадцать лет, и она только поступила на исторический факультет.

– Из нее историк, как из меня балерина, – сказал по этому поводу Алексей Владимирович, – все равно замуж выскочит, пошла бы, где попроще. Например, в педагогический.

– Величко свою Настю в МГИМО пристроили, а наша в учителя податься должна?

Семейство Величко, проживавшее двумя этажами выше, было и соперником Варвары Сергеевны, и ее жизненным ориентиром.

– Так она у них страшна как черт, – рубанул с большевистской прямоотой Алексей Владимирович.

Это было не совсем правдой, просто по сравнению с Аней Настя Величко казалась простушкой. Аня же с ее светлыми, почти прозрачными глазами и жгучими темными волосами была эффектна, как кинозвезда. К тому же с идеальной осанкой балерины (четыре года в балетном училище при Большом театре, куда девочку устроили «по звонку»). Варвара Сергеевна дочерью была довольна. В меру начитанная, в меру подвижная, умеет спокойно стоять, сидеть и говорить. Замуж ее хотелось выдать поскорее, и даже жених на примете был. Внешне так себе, но весьма перспективный.

– Ты сошла с ума. Как она в него влюбиться может? – сказал Алексей Владимирович.

– Зато отец просто на деньгах сидит. И сынка в обиду не даст – рядом посадит.

– Посадит – слово при его должности может оказаться ключевым, – грубо пошутил Алексей Владимирович.

Дело в том, что отец предполагаемого жениха возглавлял хозяйственное управление одного министерства.

Аня, видимо, не догадывалась о планах матери, поскольку с периодичностью раз в месяц посещала закрытые культурные мероприятия с этим молодым человеком.

– Как тебе Игорь? – осторожно интересовалась Варвара Сергеевна.

– Да никак! Странный какой-то – молчит, сопит. Даже жалко его, – рассеянно отвечала Аня.

– Он хороший мальчик, воспитанный, – гнула свою линию мама.

Теперь, в эти обрушившиеся на их голову времена, женихи подобного сорта теряли в цене. Разговоры о нарушениях финансовой дисциплины в министерствах шли уже не первый месяц, а в газетах печатали раздражающие злорадное любопытство отчеты об обысках в домах хозяйственников.

Все эти беспокойные мысли мучили Варвару Сергеевну, поджидавшую мужа.

Когда звуки, доносившиеся с прудов, стали громче и отчетливее, когда стали слышаться взрывы бесцеремонного смеха, означавшие, что у коммерческих палаток, которые «украсили» периметр старых прудов, собралась шальная молодежь и под пиво, амаретто и спирт «Рояль» начала свой ночной досуг, в квартире Спиридоновых наконец открылась входная дверь.

– Леша, это ты?! – вскочила с кресла задремавшая было Варвара Сергеевна.

– А ты что, кого-то еще ждешь? – Муж аккуратно поставил портфель на пол в прихожей, и по этой старательности жена определила степень опьянения супруга. Степень была высокая.

– Опять?! Да вас только за пьянство надо гнать! У тебя же давление!

– Брось зудеть, накрой на стол! – «Расшифрованный» муж решил подавить возмущение народных масс своей грубостью.

– Я тебе так поразговариваю, – не растерялась Варвара Сергеевна, – я сейчас детей позову полюбоваться, какой ты с работы являешься!

– А я не с работы. Я из ресторана.

Варвара Сергеевна поняла, что случилось то, чего она так боялась. Мужа уволили.

На следующий день, пока спали поздно приехавшие из гостей Юра и Аня, пока Алексей Владимирович долго и негромко разговаривал по телефону в своем кабинете, Варвара Сергеевна вышла за покупками. Она торопливо, не желая ни с кем из соседей столкнуться в лифте, вышла из дома и пошла в магазин длинной дорогой. Во-первых, так было меньше шансов встретить знакомых, а во-вторых, надо же как-то сформулировать семейную легенду, в которую вписалось бы увольнение мужа. Варвара Сергеевна считала, что основой всего являются семья и дом, и от того, что обитающие в этом доме чувствуют, напрямую зависит их нравственное и физическое здоровье. Глядя на старшего сына, она каждый раз убеждалась в правильности своего кредо. Так случилось, что, как раз когда Вадим был в классе пятом, в доме сложилась нервная обстановка. Алексей Владимирович ждал высокого назначения, злился по пустякам, покрикивал на домашних. Варвара Сергеевна, не проявив тогда должной мудрости, попыталась его приструнить и получила еще одну проблему в виде мелкой любовной интрижки. Супруг, подстегиваемый амбициями, решил, что роман с молоденькой комсомольской активисткой совершенно необходим для сохранения самоуважения. Глядя на вечерние отлучки мужа, на его бесчисленные командировки в какие-то подмосковные пансионаты и дома отдыха, Варвара Сергеевна отправила младших детей в санаторий на юг, а Вадима пришлось оставить дома – он дополнительно, факультативно учился в физико-математической школе и пропускать занятия не имел права. Старший сын и стал свидетелем всех скандалов. «Наверное, поэтому он такой замкнутый», – думала сейчас Варвара Сергеевна и гнала из воспоминаний то письмо, которое она накатала в слезах и в отчаянии. Письмо она сама передала начальнику Алексея Владимировича. Понятное дело, мужа вызвали на ковер, отчитали, назначение сорвалось, роман заглох. Лучше от этого в доме не стало – бойкот, который объявил Алексей Владимирович, как густой удушливый дым, заполонил дом. В этой атмосфере безмолвия Вадим делал уроки, завтракал, обедал. Варвара Сергеевна, мучимая раскаянием за свою несдержанность, внимания сыну уделяла немного. Ей было важно хоть как-то объяснить с мужем. Много позже Вадим, уже будучи студентом первого курса, на настойчивый вопрос матери, как у него дела с экзаменами, равнодушно бросил:

– Ты бы в деканат запрос письменный сделала, если мне не веришь на слово.

Варвара Сергеевна поняла намек.

Сейчас, когда за стенами была зыбкая и непонятная свободолюбивая эйфория, когда неприятности сыпались одна за другой, увольнение мужа надо было представить не как «удар судьбы», а как решительный, осмысленный шаг, несущий исключительно позитивное начало. «Надо сказать, что он решил сменить работу, поскольку в сложившейся ситуации полезен будет на другом посту, – думала Варвара Сергеевна, пробираясь по обледенелой мостовой. – Дура я все-таки! На каком другом посту?! Кто его предложит?! Дети взрослые, голову им заморочить сложно. Просто надо, чтобы дома было уютно, чисто, хорошо. Привычно. Вот, привычно. Надо делать вид, что ничего не случилось!» Варвара Сергеевна обрадовалась, как ей показалось, правильному решению.

Немного успокоившись, она наконец огляделась по сторонам. Вспольный переулок, этот маленький, когда-то уютный «коридорчик» между районом старых особнячков и Садовым кольцом, выглядел уныло. Все тот же серый снег вперемешку с глыбами льда, машины, оставленные на тротуаре, старый фонтанчик во дворе большого сталинского дома превращен в подобие мусорной корзины – пивные бутылки, бумажки. Низенькая ограда, идущая вдоль тротуара, местами покосилась. Больше всего Варвару Сергеевну расстроил старый, еще девятнадцатого века дом, который всегда был аккуратно покрашен. Дочка Аня, когда была совсем маленькая, говорила, что когда она вырастет и станет настоящей принцессой, то будет здесь жить. Сейчас окна дома были заколочены, лепнина по крыше отвалилась и обнажила какие-то железные клыки. Никакой тебе краски или штукатурки – всюду на стенах грязные потеки. «Господи, да что ж это! За каких-нибудь пару лет город превратился в помойку! Это же надо так постараться!» – С этими мыслями Варвара Сергеевна вошла в магазин, который раньше считался молочным, а теперь здесь можно было купить все – от жевательной резинки до стирального порошка. Весь товар каким-то образом умещался в крохотном помещении.

– Почему у вас все ступеньки обледенели и вы ничего с ними не сделаете? – раздраженно спросила Варвара Сергеевна.

– Да все некогда! – весело ответил продавец, он же хозяин, высокий сорокалетний мужик. – Покупатели без конца идут.

– А если кто-нибудь убьется, что делать будете?

– Не убьется! Смотреть под ноги надо, только и всего.

Варвара Сергеевна поняла, что разговаривать совершенно бессмысленно – в отличие от нее мужик вполне оптимистично смотрел вперед и во всем, что его окружало, не видел признаков «падения» или угрозы. Оглядев полки с продуктами, Варвара Сергеевна опять разозлилась – ни одного знакомого названия, ни одного привычного продукта. Ей, кормившей семью спецзаказами, которые доставлял каждую неделю водитель мужа, было немислимо покупать салами «Золотая» или китайские консервированные сосиски. Потоптавшись у прилавка, она сумела все-таки отыскать нормальную сгущенку, масло и сыр.

– Не переживайте, скоро все будет совсем хорошо, – подбодрил ее продавец. – Зато смотрите, сколько всего интересного, нового появилось.

Его слова Варвара Сергеевна поняла по-своему. «Шоколадки «Марс», «Сникерс» и спирт «Рояль» в ассортименте заслонили все остальное», – подумала она. В душе Варвара Сергеевна понимала, что не права. Что много чего значительного и важного происходит в их жизни, но обида за мужа, за всю их прошлую жизнь, которую они старались прожить честно, страх за детей превратили сегодняшние события в злой фарс.

Обратный путь домой занял у нее совсем немного времени – она старалась не обращать внимания на заснеженные, неухоженные улицы. Благополучно миновав холл на первом этаже, она совсем было уже вздохнула легко, как вдруг откуда ни возьмись появилась чета Величко.

– Ну что, как Алексей Владимирович? – хором спросили одинаково толстые муж и жена.

– Да вроде ничего, – растерялась Варвара Сергеевна, а сама почувствовала, как слезы хлынули из глаз. Она не могла их остановить, хотя ей было стыдно из-за своей несдержанности.

Но Величко не удивились ее слезам, а вызвали лифт и повели к себе. Там Елена Владимировна накапала валерьянки, налила сладкого горячего чая, а Степан Харитонович метался по мягкому, толстому ковру и изредка басил:

– Ну ведь нельзя же быть такими козлами. Надо же думать! Зачем же опытных людей увольнять?! Не волнуйтесь, все образуется, какие наши годы?! А люди с опытом всегда нужны.

Варвара Сергеевна плакала и благодарно кивала. Она вдруг почувствовала огромное облегчение от того, что никому не понадобилось рассказывать об увольнении мужа и сочинять красивую историю, не надо было бодриться и выказывать притворное пренебрежение к случившемуся.

– Я сам уйду, пока не поздно! – вдруг произнес остановивший свой слоновий бег по комнате Величко. Жена его вздрогнула, засопела и присоединилась к Варваре Сергеевне. Теперь рыдали обе. Со стороны казалось, что в их жизни произошло какое-то невосполнимое горе. И если задуматься, то так оно и было. Привычный уклад, достаток, уверенность, то, что называют «жизненным кругом», – все это было уже далеко позади, в настоящем был немолодой возраст, усталость и страх, что сил и духу приспособиться к новой жизни уже не хватит.

Вернулась Варвара Сергеевна домой поздно. На улице уже стало смеркаться. Вырваться из мягкой хватки огромного велюрового кресла в гостиной Величко было непросто. Хотелось сидеть, молчать и слушать, как соседи вспоминают значительные, по их мнению, события, о чем-то спорят, изредка поворачиваясь к Варваре Сергеевне за поддержкой. Та кивала, но слушала их невнимательно – ей было хорошо в компании этих почти что родных людей. «Странно, а я все с ними пыталась соперничать, все мне казалось, что они заносчивые, – думала Варвара Сергеевна. – Не хочу идти домой. Там надо «работать» – успокаивать, придумывать, делать лицо». Она улыбнулась соседям, чувствуя себя, как заболевший ребенок, окруженный заботой.

Когда же она вошла в квартиру, то ее встретила тишина. Из комнат детей не доносилось ни звука. Она уловила какое-то движение из кабинета Алексея Владимировича. Варвара Сергеевна, не раздеваясь, прошла в комнаты, заглянула на кухню и только потом открыла дверь в кабинет. Муж сидел за столом и что-то писал.

– Вы потеряли меня?

– Нет, не мешай мне, Варя, освобожусь, поговорим. – Алексей Владимирович на минуту оторвался от бумаг. – Дети уехали. Велели передать, что ночевать будут у сестры твоей, им ближе от нее к чему-то там.

Жизнь в доме казалась непотревоженной. «Может, я себя накрутила и ничего страшного не произошло? И есть выход из этого?» – Она вздохнула и пошла на кухню.

Сама процедура увольнения Алексея Владимировича заняла совсем немного времени. Он получил в кассе какие-то деньги, стоимость которых была совсем невелика – инфляция в стране съедала заработки. Получил трудовую книжку и отправился оформлять пенсию. В очереди среди обычных смертных, которые никогда не ездили на персональных черных машинах, не получали спецзаказов, не шили себе костюмы из дорогущей импортной ткани в таинственной секции ГУМа, он просидел около трех часов. За это время он наслушался много чего и о партии, работе в которой отдал столько сил, и о демократии, и о воровстве и возмездии. Голова у него разболелась, от сквозняков, которые гуляли по соборовским коридорам, стало ныть ревматическое плечо. Домой он вернулся совсем больным.

Через две недели стало ясно, что у Алексея Владимировича воспаление легких. Это осложнение после перенесенной сильной простуды уложило его в постель почти на месяц. Варвара Сергеевна целиком отдалась уходу за мужем. Она разработала диетическое меню, не спала ночами, просиживая у его постели с какой-нибудь книжкой, бегала по городу в поисках деликатесов.

– Мам, ты отца залечишь! – возмущалась дочь.

– Не трогай ее. Не видишь – это она так переживает все, что случилось. Она пытается отвлечься, да и отцу приятно. – Вадим теперь навещал родителей часто. Он привозил пакеты с заморскими фруктами, хорошую рыбу и икру – все то, что раньше в доме не переводилось, и то, что сейчас Варваре Сергеевне стало сложно покупать.

– Вадим, сынок, откуда у тебя деньги? Наверное, все с книжки снял, – приговаривала Варвара Сергеевна, как будто забывая, что на сберкнижках граждан вообще ничего не осталось благодаря многочисленным денежным реформам.

Вадим по обыкновению что-то тихо бурчал себе под нос, бросал пакеты с деликатесами на кухне и шел к отцу в спальню. Там он, присаживаясь на край постели, сначала молчал, а потом начинал что-то рассказывать об учебе, о преподавателях, о своих статьях в научных

журналах. Алексей Владимирович оживал. Он в отличие от жены был душой близок к старшему сыну. Ему нравились основательность и скрытая сила Вадима, которые чувствовались за немногословностью и некоторой угрюмостью. Вадим не торопился уходить от отца. В его поведении сложно было уловить нежность, сочувствие или трепетную сыновью любовь, но эти его посещения оказывали на Алексея Владимировича благотворное действие. Он оживал, с аппетитом съедал какой-нибудь фрукт и, приподнявшись на подушках, начинал давать сыну советы, делиться опасениями и наставлениями. По виду Вадима нельзя было понять, прислушивается ли он к словам отца, а Варвару Сергеевну эти визиты беспокоили. Она начинала заглядывать в спальню и подгонять Вадима:

– Отец устал, иди попей чаю с пирогом, а он пока отдохнет.

Вадим ничего не отвечал и не трогался с места, пока сам отец ему не говорил:

– Ладно, иди, я посплю.

Юра к отцу заскакивал на минуту-другую, рассказывал веселый анекдот и бросал в воздух оптимистично-безликие фразы:

– Так, я смотрю, ты молодцом. Так держать!

Отец кивал:

– Да, да.

Аня все больше помогала матери по хозяйству и с отцом вела беседы на домашние темы.

– Пап, когда поправишься, позвони куда-нибудь, на кухне вытяжка совсем не работает.

Отец начинал беспокоиться, пытался встать с постели, но тут вмешивалась Варвара Сергеевна:

– Не надо! Лежи! Потом! А ты иди, тебя к телефону! – Она заставляла мужа лечь, поправляла одеяло, давала в руки очки и книжку. Алексей Владимирович читал Пикуля. События, описываемые в романе, были так далеки от действительности, что чтение превращалось в полноценный отдых. Посещавший больного врач из районной поликлиники (оформить «пропуск ветерана» в спецуправление Алексей Владимирович не успел) с интересом разглядывал нестандартную номенклатурную квартиру и, выражая немного дерзкое почтение, говорил:

– Нервы, все дело в нервах! Выздоровление зависит от самого пациента. Но рентген больше делать не можем, послушать – слушаем.

Прикладывая холодный стетоскоп к похудевшей груди Алексея Владимировича, он напускал на лицо озабоченность.

– Так, еще лежим, пьем, что прописали, – говорил он в спальне, а в прихожей, запросто принимая от Варвары Сергеевны сверточек с подарком, шептал:

– Сдвигов нет никаких. Ухудшений, к счастью, тоже, но и улучшений. Плохо, что так долго держится температура. Я найду к вам на днях, хоть и не работаю.

– Спасибо вам большое, – суежилась хозяйка.

Она молчала, что вызывала к мужу знакомого врача из ЦКБ (рекомендация семьи Величко), и тот так же сокрушенно кивал головой:

– Долго температурит.

В душе Варвара Сергеевна превращалась в контрреволюционера. Она искренне считала, что, если бы не вся эта история с увольнением, походом за пенсией и вообще не все эти перестройки и гласности, был бы ее муж здоровым и счастливым. А так... А так муж оживлялся только с приходом старшего сына. Все остальное время он был задумчив, даже суров. Казалось, он намеренно грубил жене, не давая пролиться ее слезам беспомощности и жалости. Варвара Сергеевна видела, что муж понимает про себя гораздо больше, чем все они, суеящиеся и многословно друг друга успокаивающие. В его взгляде, жестах, словах появилось то терпение, которое отличает людей, принявших скорый уход. И эта просьба собрать всех детей на обед была не чем иным, как актом прощания, после которого он мог почувствовать себя свободным

от земных дел. Варвара Сергеевна это все понимала, но, будучи женщиной сильной и упрямой, не позволяла усомниться себе ни на минуту в благоприятном исходе болезни супруга.

– Вадим, заезжай на обед в воскресенье. Отцу, кажется, лучше, гуся попросил приготовить. Думаю, дело на поправку идет, – проговорила она тоном, не допускающим каких-либо возражений. То же самое услышали и Юра с Аней.

Через три дня все собрались за большим круглым столом в гостиной. Варвара Сергеевна застелила новую белую скатерть, вытащила парадный сервиз. Дети приехали вовремя, даже Юра, который имел обыкновение опаздывать, сидел уже как полчаса на своем постоянном месте, по левую руку от матери. Аня устроилась на противоположном конце стола, поближе к телевизору, а Вадим, молчаливый и угрюмый, поглядывал в окно.

– Так, а кто гуся будет есть?! – неестественно бодрым голосом воскликнула Варвара Сергеевна.

– Наелись уже. – Вадим тяжело вздохнул и подпер рукой подбородок.

– Мам, скоро пост. Хочу попробовать попоститься.

– Что за глупости?! – Варвара Сергеевна всплеснула руками. – Ты что, крещеная?! Как быстро эта вся глупость в ваши головы забралась.

Дети враз заговорили, не слушая друг друга. За этим немного неестественным оживлением скрывалось недоумение и вопросы – по поведению отца было понятно, что дело было не в гусе, который получился у Варвары Сергеевны отменным. Но никто из них и предположить не мог, почему отец всех просил собраться.

Алексей Владимирович, отведав всего понемногу, молчал. Когда Варвара Сергеевна и Аня поставили на стол чайные чашки, он откашлялся и произнес:

– Я сейчас буду говорить, и никто меня не должен перебивать. Ни единым словом. И обсуждать потом я ничего не хочу. Как я скажу, так вы и должны будете сделать.

После этих слов он встал, прошел в кабинет и вернулся в гостиную с большим тяжелым портфелем. С усилием поставив его на стол, он под всеобщее молчание вытащил из портфеля стопки денег – это было несколько пачек долларов, перевязанных полосатыми банковскими упаковками, потом на свет появилась коробка, заклеенная со всех сторон синей изолентой. Надрезав картон, Алексей Владимирович выложил на стол столбики золотых монет. Столбики от чье-то неаккуратного движения закачались и рассыпались. Семья, забывшая про чай и домашний торт, не отрываясь смотрела на руки Алексея Владимировича. Глава семейства обвел всех спокойным взглядом.

– Значит, так. Думаю, что все важные дела я должен закончить как можно быстрее.

Семья, растерявшаяся от увиденного, даже и не подумала его переубедить. Только Вадим, нахмурясь, раздраженно произнес:

– Да ладно, папа...

Алексей Владимирович выразительно на него посмотрел, и фраза осталась незаконченной.

Что-то ненастоящее, бутафорское было в этих сокровищах. Золотые монетки, словно шоколадки в фольге, отливали жирным блеском. Тем самым, который присущ только этому металлу. Богатство, которое лежало на столе, превратило их парадную гостиную в небольшую, загроможденную «мелкотравчатыми» предметами комнату.

Алексей Владимирович откашлялся:

– Я где-то читал, что наследникам оставляют деньги вовсе не из милосердия или любви. А потому, что просто нет другого выхода. В гроб с собой их не заберешь, отдать случайным людям – противоестественно. Мне и самому так казалось. До тех пор, пока не пришла пора помирать... Подожди, – прервал он всколыхнувшуюся было Варвару Сергеевну. – Дай мне сказать. Так вот. Жалко мне вас – я оставляю свою семью без помощи и совета. Мне жаль вас,

моих детей, которым я обеспечил такую беззаботную жизнь. С другой стороны, я чувствую страшную вину за собой именно потому, что вы никогда не знали проблем, ни в чем не нуждались, ни за что никогда не боролись. Что вас ждет в будущем, которое так неожиданно свалилось всем на голову, я уже не узнаю. Могу только сказать, что я жил во времена, может, не очень правильные, но, во всяком случае, ясные. От этой ясности было легко. Теперь же вам самим придется разбираться во всем, и от того, какой выбор вы сделаете, будет зависеть ваша жизнь. Защитить я вас не смогу и помочь тоже, даже советом.

Алексей Владимирович перевел дух и посмотрел на детей. Те сидели, замерев, и не отрывали глаз от отца. Таким они его еще никогда не видели. Сухой, сдержанный, всегда сторонившийся «воспитательных процессов», он сейчас выглядел немного растерянным, взволнованным, и всем его было очень жаль. Аня вдруг всхлипнула, вскочила и уткнулась отцу в шею.

– Анька, садись, ты мне всю шею намочила. – Алексей Владимирович легонько оттолкнул дочь.

– Этих денег бояться не надо, – продолжил он, – эти монеты начал собирать мой дед, немного удалось моему отцу, и я собирал всю свою жизнь. Сначала было интересно, потом по привычке, позже, думая о вас и вашем будущем. Все эти деньги я разделю на три равные части. Тебе, Варя, – Алексей Владимирович повернулся к жене, – достается все, что есть в доме. А это немало. Машины, дача, драгоценности и картины. Не обижайся на меня. Им надо на ногах устоять и вырасти, стать сильными. Эти деньги не для того, чтобы сладко есть и пить. Это деньги – для работы. Старые времена не вернуться, а новые будут тяжелыми. Главное, не «прошляпить» их. Эти деньги я вам отдаю, чтобы вы стали на ноги – открыли свое дело, превратились в собственников, крепко стоящих на ногах. Не пропейте, не прокутите, не проешьте – это ваше наследство. Обратите его в удачу.

– Пап, а сколько здесь денег? – Юра взял в руки пригоршню монет.

– Много. Вы столько никогда не видели. Почти миллион долларов. Монеты здесь разные, есть очень дорогие, по несколько десятков тысяч долларов. Тут все записано. – Отец ткнул пальцем в старую, потрепанную тетрадь.

Алексей Владимирович умер через месяц.

Старшенький

– Ты посмотри, как Саша ведет себя! Сразу ясно, что он и из семьи хорошей, и много видел, и много знает! А ты никогда не можешь толком ни ответить, ни рассказать ничего. Как из деревни! – Варвара Сергеевна резко дернула Вадима за штанину. Вадим залез на верхнюю полку, положил голову на кулаки и стал смотреть на пробегающие за окном болгарские деревни. Они с матерью ехали отдыхать на Золотые пески. В соседнем купе международного вагона ехала их знакомая Александра Александровна с сыном Сашей. Вадим знал, что для мамы – Саша почти идеал. Умеет поздороваться, умеет задать правильный вопрос, умеет говорить со взрослыми. На втором месте для матери стоял младший брат Вадима – Юра. Тот тоже обожал вертеться среди взрослых и вступать в беседы, вызывая умиление. Вадим не любил гостей, шум и разговоры. Он любил молчать, читать, рисовать и решать задачки по арифметике. В свои десять лет он запросто справлялся с учебником для шестого класса. Еще Вадим терпеть не мог брюки со стрелками. Нет, не школьные, а черно-синие, которые мама заставляла его носить в торжественных случаях. К этим брюкам полагались хрустящая белая рубашка и маленький детский черный галстук. Галстук его всегда душил до слез.

– Что ты выдумываешь?! Все люди носят галстуки. Папа, например, каждый день...

Папа не вмешивался в эти разговоры, как и во все события домашней жизни. У папы была работа. Это слово мама произносила торжественно. Папе нельзя было мешать, при нем нельзя было шуметь и бегать. Впрочем, все эти запреты тоже ввела мама. Сам папа был не прочь подурачиться и повозиться. Мама же прекращала все это безобразие одной фразой:

– Так, у тебя давление опять будет. А завтра пленум, сам знаешь.

Папа вздыхал и, отвесив легкий шлепок сыновьям, соглашался:

– Ну да, пленум.

Вадиму нравилось быть с отцом, но времени у того всегда было очень мало.

Хотя Варвара Сергеевна никогда не работала и все свое время посвящала мужу и детям, в доме ощущалось то самое «пространство», которое возникает при отсутствии душевной близости между родителями и детьми. К отцу, пребывающему на своем служебном олимпе, претензий быть не могло, но на мать в раннем детстве Вадим частенько обижался. Рассеянное лицо, ответы невпопад и яростное нетерпение при первых признаках непослушания потихоньку отдаляли и без того замкнутого мальчика.

– Потом дорисуешь, завтра! Ложись спать, – поддерживала режим Варвара Сергеевна, а маленькому Вадиму казалось, что от него хотят отделаться. Став взрослее, он научился обходиться без внимания взрослых. Правда, отцовскому вниманию все равно был рад. В отце чувствовалось спокойствие, доброжелательность и удивительная правильность. Алексей Владимирович, несмотря на свое частое отсутствие, был надежен. В минуты детских обид Вадим думал про то, что он как-нибудь обязательно расскажет о своих огорчениях отцу и тот что-нибудь обязательно придумает, поможет. Впрочем, долго обиды Вадим не помнил и уж тем более не имел привычки жаловаться. Только однажды, когда в наказание за мелкую провинность его раньше обычного отправили спать, он расплакался, увидев зашедшего к нему отца.

– Что приключилось? – Алексей Владимирович присел на постель сына.

– Мама рассердилась. – Вадим стал рассказывать, что он не собирался драться с младшим братом, все вышло случайно и машинка сломалась сама. Отец слушал внимательно, не перебивая, а когда сын закончил, тяжело вздохнул, но не произнес ни одного слова.

– Пап, ты почему молчишь? – наконец спросил Вадим.

– Расстроен.

– Из-за меня? Из-за того, что мы с Юрой подрались?

– Нет, из-за того, что тебе сейчас плохо, – ответил Алексей Владимирович.

Так отец объяснил сыну, что нельзя быть счастливым и довольным, когда другому плохо.

Позже, когда Вадим подросток, общаться чаще с отцом не получалось – тот все больше пропал на работе. Но сохранялось ощущение надежного тыла. И в этом тылу царили порядок, справедливость и готовность прийти на помощь. С ощущением такой опоры и такого ориентира взрослеть было не страшно и легко – перед глазами был пример.

В детстве же Вадим жалел, что во все поездки они ездили только с мамой. Отец оставался в Москве. Вместо него ездила тетя Александра Александровна, мамина лучшая подруга. С ее сыном Сашей Вадим любил драться или играть в футбол. Но Саша чаще всего оказывался в компании взрослых. Вадим чувствовал, что мама немного смущается, когда он, ее сын, молчаливый и хмурый, как тень, возникал в дверях комнаты, где собирались гости.

– Вот, наш математик появился. – Мама немного улыбалась и как-то смущенно брала его за руку, насильно усаживала рядом с собой. Как будто ей необходимо было срочно изменить мизансцену, отвлечь внимание на себя.

Вадим около мамы чувствовал себя неловко.

С пяти лет Вадима возили на музыку, в бассейн и в Дом архитекторов – учиться рисовать. Рядом всегда был Саша. Мамы – Варвара Сергеевна и Александра Александровна – всегда были вместе. Пока сыновья занимались, они обсуждали мужей, подруг и детей.

– Между прочим, Саша уже свободно играет Бетховена. – Варвара Сергеевна обожала подстегнуть старшего сына.

Впрочем, позже в качестве примера приводились все известные Вадиму сверстники.

В семь лет Вадима отдали в самую лучшую московскую школу во Вспольном переулке. С углубленным изучением английского языка, бассейном, школьным театром и прочими образовательными редкостями. Перед началом уроков переулок перекрывал постовой – сюда на персональных машинах съезжались отпрыски членов правительства, членов политбюро, министерств. Артисты, художники и прочая богема тоже старались отдать сюда своих детей. Школа, возглавляемая директором исключительного терпения Потехиным, принимала делегации, побеждала в многочисленных соревнованиях и конкурсах.

Первое сентября у Вадима вызвало рвоту. Съеденный омлет, бутерброд и какао душили его почти до самого последнего момента. Как только открылась входная дверь и мать, одетая очень нарядно, вышла к лифту, Вадим схватился за живот и помчался в туалет.

– Вадим, ты даже не можешь в школу нормально пойти, – потом выговаривала Варвара Сергеевна, умывая его и переодевая в чистую рубашку. – Все дети как дети, а ты?

Отец, не собиравшийся со всеми идти в школу, но оставшийся дома по случаю легкой простуды, вырвал Вадима из рук разгневанной матери.

– Вадим, ты плохо себя чувствуешь? Говори, не бойся.

Вадим посмотрел на отца и расплакался. Он не знал, как объяснить Алексею Владимировичу, что одна только мысль о необходимости знакомства с будущими одноклассниками вызывает у него резь в животе. Впрочем, отец все понял.

– Ты представь себе, что всех ты уже видел в своем математическом кружке. Видел, но давно. А теперь вы опять все встретились. Не бойся, я тебе по секрету скажу: мне кажется, твоя мама тоже не любит незнакомых людей. Только ты никому не говори об этом.

Вадим затих от этой неожиданной отцовской откровенности.

– Да?

– Да. Поэтому вытирай слезы, поправь рубашку и иди.

Алексей Владимирович серьезно посмотрел на сына. А тот, забыв о своих опасениях, взглянул в другую комнату. Там у окна стояла расстроенная Варвара Сергеевна. Испуга перед одноклассниками у него уже не было, осталось удивление от мысли, что взрослые так же могут чего-то бояться.

К удивлению всех, молчаливый, почти угрюмый Вадим в свой класс вписался идеально. Высокий, широкий в плечах, выглядевший лет на десять, первоклассник был сразу же признан лидером. Как это бывает у малышей, помогла комплекция. Но позже стало ясно, что по своему развитию и уровню подготовки мальчик тоже опережает одноклассников. Арифметика ему была скучна – домашние задания он делал на неделю вперед. Одноклассники еще списывать не научились, но уважение уже выказывали бурно. Чтение, русский язык тоже трудностей не представляли. На английском, который в школе начинали преподавать со второго класса, Вадим ленился. Ему этот предмет был тоже неинтересен, но уже по другой причине – он не видел в нем смысла. От арифметических задачек веяло прагматизмом, там все было точно, и можно было применить в жизни. Английский язык казался ему умственной обузой. С грехом пополам ему ставили тройки до четвертого класса, пока отец из командировки не привез ему книжку по занимательной математике. Книжка была на английском языке. Уже через пару месяцев по английскому языку стояла твердая четверка, а к концу четверти можно было побороться за пять. Учительница английского языка, молодая симпатичная выпускница иняза, еще полная благих педагогических идей, авансом поставила ему «отлично». Дома этому обстоятельству удивились и наконец поставили в пример младшему брату Юре. Тот, хоть и болтал бойко по-английски, больше тройки никогда не получал.

Восьмой класс Вадима на семью Спиридоновых обрушился ураганом. Три подряд неприятные истории заставили мать и отца наконец объединить педагогические усилия. В сентябре Вадима застали курящим, а в карманах демисезонного пальто младшей сестры обнаружили открытую пачку сигарет. Было очевидно, что тихоня сестра, учившаяся в четвертом классе, сигареты «Мальборо» курить не могла.

– Нет, это же надо было додуматься! Сестре сигареты подсунуть! Да еще куда?! В пальто, которое понадобится через полгода! – шумела мать.

– Пороть математика! – орал отец.

Через пару месяцев Вадим, катаясь на коньках на Патриарших прудах, выпил водки. Как он дошел домой, который находился буквально через дорогу, он не помнил. Дверь ему открыла Галина Леонтьевна, домработница, которая приходила каждые два дня. Увидев Вадима, она сразу все поняла и принялась спасать парня. Вода в большом количестве, чай и лимон, по ее мнению, должны были замаскировать преступление. Но не тут-то было! Мимо Варвары Сергеевны и таракан бы не пробежал!

– Так, или ответишь, где и с кем ты пил водку, или мы тебя переводим в обычную школу, на класс ниже! И никаких карманных денег! – железным тоном выговаривала Варвара Сергеевна.

Вадиму же было так плохо, что он даже не мог отвечать. Его мутило, в глазах было темно. Ему хотелось, чтобы мать погасила свет, который бил ему в глаза, перестала метаться по комнате и присела рядом с ним. Он сам уже жалел, что, набегавшись с клюшкой в компании одноклассников и победив в стихийном хоккейном матче, подстегиваемый другими, хлебнул какой-то дряни. Ничего приятного он не ощутил. После игры было жарко, сердце почти выпрыгивало, а тут еще обжигающее пищевод пойло. Потом стало совсем дурно. Матери это все объяснить было невозможно. Она была непреклонна в своем гневе. Ей было важно, чтобы сын запомнил это состояние и эту выволочку, как запоминает неприятные ощущения собака академика Павлова. Поздно вечером приехал отец. Вадим слышал, как мать что-то ему рассказывала, как отец что-то резко отвечал. Последними словами, которые уже сквозь сон донеслись до Вадима, были слова отца:

– Вот дураки, пьют черт знает что! Нет чтобы нашу, «пшеничную».

Утром Алексей Владимирович, глядя на зеленое лицо сына, улыбнулся:

– Вадим, ты ерундой не занимайся. И сам себе жизнь испортишь, и нас с матерью в гроб вгонишь. У нас, кроме вас, ведь никого нет.

Если бы эти слова вчера произнесла мать! Вадим посмотрел на осунувшееся лицо отца, на его жестко накрахмаленную рубашку, на его часы, обычно лежащие на скатерти, около масленки. Руки отца, державшие свежую газету, были чистыми, этой его способности – читать свежую прессу и не испачкаться типографской краской – Вадим не переставал удивляться. Отец был какой-то правильный, четкий, ясный, как грамотно выстроенное алгебраическое уравнение. Вопрос с алкоголем был закрыт для Вадима раз и навсегда.

Третья неприятность случилась весной, уже почти в конце восьмого класса. К этому времени внешность Вадима претерпела изменения – он вырос, темные глаза стали еще больше, ресницы вокруг них были невероятно длинные и густые, темные усики скрыли пухлую верхнюю губу. Учительница по литературе однажды вслух произнесла, что он похож на Лермонтова. Класс засмеялся, Вадим смутился и с этих пор стал садиться подальше от учительского стола. Привлекать к себе внимание он не любил. С последней парты Вадим мог спокойно наблюдать за одноклассниками, делал он это внимательно, но без особого желания поучаствовать в школьной жизни. Девочки, видные, красивые, обходили его стороной – он был слишком серьезен, легко смущался, и не было в нем той легкости, которая обеспечивала иным популярность, – его младший брат пользовался у одноклассниц Вадима успехом. Старшего брата это не огорчало – ни одна из девочек класса ему не нравилась. Вадиму сложно было влюбиться в тех, кого он знал почти вечность, в тех, чье взросление со всеми промахами и неловкими коллизиями происходило на его глазах. Он предпочел бы тайну, загадку, а с этими девочками он так за восемь лет сроднился, что роман с одноклассницей казался ему сущей нелепостью. Впрочем, на улице он стал внимателен – красивые женские лица, аппетитные фигурки, яркая одежда, вызывающие жесты – все, что волнует юношу шестнадцати лет, все это его трогало, но волнение это внешне никак пока не проявлялось – стеснительность перебороть он не мог. Оставалось ждать ту, которая сделает первый шаг.

Иногда, наблюдая за отношениями родителей, он с необычной для своего возраста серьезностью задавался вопросом: «Какая у меня будет семья?» Удивительно, не думая о любви, Вадим думал о семье, о том, к чему любовь, по его мнению, должна была обязательно привести. Предаваясь неизбежным подростковым размышлениям о «взрослых» чувствах, он не переставал удивляться тому чудесному преобразению, которому подвергается влюбленный – человек, прежде незнакомый, за очень короткое время становится близким и родным. Для Вадима, не способного на скорые привязанности, это было загадкой из загадок.

Предрасположенность к любви – это прежде всего обстоятельства. Апрельский вечер Вадим запомнил из-за запаха. В тот день он в квартире остался один – Варвара Сергеевна с младшими детьми была в гостях, отец – в командировке. Другой бы сбежал на Патриаршие, в компанию ребят, Вадим же остался дома. Он сделал домашнее задание, а когда встал из-за стола, над старыми липами Большой Бронной уже висели светлые весенние сумерки. Вадим распахнул окно, и в комнату проник холод – свежий, пахнувший землей, сырыми ветвями и почками. Дом напротив уже почти скрылся в мелком зеленом мареве, звуки были гулкими, улицы – оживленными. Пустая квартира показалась Вадиму неприкаянной, и он впервые в жизни пожалел, что не пошел в гости вместе с матерью. Два разных чувства завладели им – чувство жалости к себе и томление, предчувствие, желание чего-то таинственного, такого, чего он никогда еще не испытывал и что вот-вот должно с ним случиться. Вадим попытался отвлечься, но не получалось. Он прошелся по комнатам – это был его дом, но чувства «родного гнезда» оказалось недостаточно. Должно же быть в его жизни что-то еще, чем владеть будет только он. Сидя на подоконнике, Вадим смотрел на весеннюю улицу. Вопросы, стучавшиеся в его душу, ответа пока не имели, но он уже точно знал одно – в такие вечера кто-то должен быть рядом с ним. Для Вадима заканчивалось время одиночества.

То, что старший сын влюбился, Варвара Сергеевна поняла по тому, как Вадим стал собираться в школу. Поскольку это была третья и самая серьезная неприятность, которая случилась в этом году, мать принимала меры по усилению контроля, а Вадим тем временем сам наглаживал брюки, придирчиво выбирал рубашки, чистил по два раза на дню обувь, копил карманные деньги, складывая их в большую карандашницу на письменном столе. Когда сумма набиралась приличная, он надевал свои самые любимые джинсы, яркий свитер и исчезал со словами: «Я буду поздно!» Приезжал он действительно поздно, но, как ни приняхивалась Варвара Сергеевна, спиртным от него не пахло. Вид у него был смущенный, радостно-рассеянный, он запирался в своей комнате с телефоном и потом еще полночи с кем-то разговаривал.

Однажды, возвращаясь из магазина, Варвара Сергеевна наконец увидела Вадима с пухленькой девушкой. Девушка была как солнце и луна одновременно – миленькая пепельная блондинка. Веснушки, рассыпанные по лицу, странно контрастировали с холодным цветом волос и вместе с тем делали девушку очень симпатичной. Складывалось впечатление, что она все время проводит на солнце, на берегу моря. Солнце оставило ей веснушки, а ветер и море выбелили волосы. Впрочем, Варваре Сергеевне в момент встречи необходимо было решить две проблемы – превратиться в невидимку и как следует рассмотреть, во что одета девушка. Последнее было очень важно. «Да, туфельки чешские, дешевые. Интересно, кто это?» – обернувшись в последний момент за угол, отметила Варвара Сергеевна. Она была недовольна. Ее сын выглядел модно (откуда только взялся вкус), ярко. Было видно сразу, что мальчик – непрост. Впрочем, больше всего поразило мать поведение Вадима. Он шел, приобняв девушку, и что-то оживленно говорил. «Дома или в гостях слова не выгацишь, а тут вон...» – подумала Варвара Сергеевна. Девушка, как ей показалось, снисходительно улыбалась.

– Кто это был с тобой? – не удержалась она вечером, когда Вадим в задумчивости пил чай.

– Где?

– На Бронной.

– Ты нас видела?

От слова «нас» мать передернуло.

– Случайно.

– А почему не подошла?

– Не хотела смущать.

– А ты бы не смутила. Что особенного?

– И кто эта девушка?

– Из двадцатьчетверки.

– Из двадцать четвертой школы? – Варвара Сергеевна была неприятно удивлена. В этой школе учились «обычные» дети.

– Да, тоже из восьмого.

– А живет она где?

– На Китай-городе, точнее в Котельниках.

– Да? – всей своей интонацией Варвара Сергеевна дала понять, что она слегка разочарована.

– Ага, в высотке.

Варвара Сергеевна наострила уши.

– Вот как?! – Теперь интонация выражала заинтересованность. – А как ее фамилия?

– Мам, ну зачем тебе?

– Что такого странного ты находишь в моем вопросе?

– Да ничего. – Вадим допил чай и, уже выходя из столовой, бросил: – Бадрова. Зовут Галя.

«Галя – это не имя, это диагноз», – подумала про себя Варвара Сергеевна. Дело в том, что так звали молодую инструкторшу из райкома комсомола, с которой у ее мужа когда-то были

«отношения», так звали строгую свекровь, мать Алексея Владимировича, и нерасторопную, неуклюжую домработницу тоже звали Галей.

В этот же день, вечером, Варвара Сергеевна делилась с мужем:

– У Вадима роман с девочкой.

Муж посмотрел поверх очков:

– Вот удивительно!

Варвара Сергеевна сарказма не расслышала.

– Роман серьезный.

– На шарабанах катаются, леденцы едят?

– Перестань. Вадим – жених выгодный, любая постарается примазаться.

– Варя, им по пятнадцать лет.

– Вот именно, дураки еще! Не дай бог что! Ты должен с Вадимом поговорить.

– О чем?

– О том самом!

– Господи, Варя! Со мной никто ни о чем не разговаривал! Сам до всего своим умом дошел!

– Тебе повезло, ты встретил меня!

В чувстве юмора Варваре Сергеевне отказать было нельзя!

– Ну это конечно! – Не уловить иронию было сложно. – Так что там за девица?

Алексей Владимирович отложил газету, приглушил программу «Время» и посмотрел на жену.

– Слава богу! – отреагировала та. – Ее зовут Галя Бадрова.

– Бадрова? Не дочка ли министра речного транспорта? Бадров Николай Кузьмич, хороший мужик, я его знаю, встречались. Живут в высотке, соседи Улановой.

– Да, он сказал, что живет там.

– Вот видишь, сын-то сам не дурак!

– Только она так одета. Туфли какие-то дурацкие, чешские. В школу двадцать четвертую ездит.

– А Николай и сам мужик скромный, и своим распускаться не позволяет. Не балует их. – Алексей Владимирович со значением посмотрел на жену.

Варвара Сергеевна значительность взгляда не уловила. Она подумала, что если такие порядки в семье заведены, то толку не будет. Ей мечталось, что произойдет, так сказать, слияние социалистических капиталов. Дети «сделают» выгодные партии, все вопросы с жильем, работой, поездками за границу будут решены в лучшем виде объединенными усилиями. Варвара Сергеевна забыла на минуту, что сыну всего пятнадцать лет, что это его первая влюбленность, что рано еще строить планы, огорчаться или радоваться по таким поводам. «Рубить сплеча не буду, но надо потихоньку Вадима отговорить от этих встреч. Мало ли девочек в своей школе хороших. И вообще, почему они живут в Котельниках, а учиться девочку послали в двадцать четвертую? Странно как-то. Надо узнать у Вадима».

Через несколько дней, сохраняя на лице притворное равнодушие, мать спросила:

– Как Галя? Ей не тяжело ездить в такую даль в школу?

– А она и не ездит. На Бронной у нее бабушка живет, почти рядом со школой. Правда, бабушка сейчас в санатории, – ответил сын.

– Ты хочешь сказать, что она живет сейчас одна?

– Да. А что такого? Она готовить умеет, старшая сестра иногда приезжает, помогает.

«Господи, да они могут такого натворить! Она же одна дома! Что за родители, которые так вот дочь пятнадцатилетнюю бросили?» – В голове Варвары Сергеевны возникали картины разврата, в который может быть вовлечен ее сын.

– И ты часто бываешь у нее в гостях?

– Ну да, иногда, а что? – В голосе сына послышался вызов.

– А то, что я боюсь, как бы мне не стать бабушкой преждевременно! – Варвару Сергеевну понесло. – У тебя два самых сложных года впереди! Поступление, а ты шляешься по квартирам...

Вадим смотрел на мать, не понимая, чем вызван ее гнев.

– Мама, ты чего кричишь?!

– Я не только кричать буду, я отцу все расскажу!

– Да что расскажешь?

– Все! Про твои шляния, про притон, куда ты ходишь!

– Мам, какой притон?! – Вадим наконец вышел из своего обычного полусонного состояния. – Ты что такое говоришь?

– Я знаю, что я говорю! Я все знаю!

– Да ничего ты не знаешь!

Вадим выскочил из кухни, Варвара Сергеевна услышала, как хлопнула входная дверь. Слезы злости и какой-то обиды душили ее. Ее гнев был направлен против тех обстоятельств, которые нарушали порядок, придуманный ею для своей семьи. Что-то совсем чужое, противное ей Вадим принес в дом. И он сам, и эта Галя, и эта неизвестная квартира казались Варваре Сергеевне чем-то непорядочным, грязным и гадким.

В этот день к ужину Вадим не пришел. Варвара Сергеевна не решилась рассказать мужу о случившемся скандале. Алексей Владимирович был усталый, немного раздраженный. Юра и Аня, приехавшие из бассейна и занятые своими проблемами, отсутствия брата не заметили. Варвара Сергеевна, уже немного раскаивающаяся в своем поступке, начала волноваться. Мысленно она себя подстегивала всякими придуманными доводами, но здравый смысл подсказывал, что она перегнула палку. Около двенадцати ночи Алексей Владимирович вдруг вспомнил о Вадиме.

– Где математик? На свидании? Не поздно ли?

– Скоро будет, он сегодня ушел уже к вечеру, – небрежно ответила жена, но муж ее непривычное спокойствие понял правильно.

– Что случилось? Говори.

В следующие пятнадцать минут, запинаясь и краснея, Варвара Сергеевна все рассказала.

– Ты сам понимаешь, чем это все может закончиться!

– Понимаю, – неожиданно спокойно ответил Алексей Владимирович. – Тем, что сын, и так забитый твоими дурацкими амбициями и оттого заполненный комплексами, совсем превратится в «филина». Будет в своем дупле сидеть и глазами сверкать. Что ты прицепилась? Не могла как-то хитрее, ловчее? Пригласила бы их к нам, разговорила бы, может быть, и эта Галя понравилась бы? Во всяком случае, все было бы спокойнее. А теперь что? Где он?

– Я не знаю. – Варвара Сергеевна совершенно потерялась. Ей хотелось, чтобы Вадим вернулся домой, а все сказанное в запале забылось.

– Я могу, конечно, сейчас позвонить Николаю Кузьмичу, но ты представляешь, как это будет выглядеть. Он мужик порядочный, он слова никому не проронит. Но...

Варвара Сергеевна все понимала. Оставалось только надеяться на сознательность Вадима.

А Вадим, поругавшись с матерью, пошел в сторону зоопарка. Это место было связано у него с отцом – туда первый раз привел его Алексей Владимирович. Весь тот летний день, который Вадим запомнил навсегда, они провели вместе. Ходили от вольера к вольеру, ели мороженое и бублики. Газированной воды было выпито столько, что пуговица на шортах Вадима постоянно расстегивалась. Алексей Владимирович полдня носил сына на плечах. Это было так восхитительно! С тех пор ни разу столько времени вместе они не провели. Став старше, Вадим

заимел обыкновение приходить сюда и сидеть на скамейке. Здесь читал книжки, здесь иногда с друзьями они замысливали проказы, сюда они приходили вместе с Галей. Почему заволновалась так мать, Вадиму было понятно. Он был сообразителен и обладал способностью просчитывать людей и ситуации, как иные просчитывают коммерческую выгоду. Будучи наблюдательным и взрослым не по годам, он отлично понимал, что мать боится. Это чувство определяло все ее с ним отношения. Раньше она боялась, что он скажет что-то невпопад или промолчит, когда надо рассыпаться в звонких детских словах. Потом она боялась, что он не так оденется, не так ответит в школе, не туда будет ходить, не с кем будет дружить. Вадим поначалу удивлялся разнице в отношениях – к младшему брату Юре мать была снисходительна, ему прощалось очень многое. Повзрослев, он понял, что Юра был матери понятен, в то время как он оставался для нее загадкой. Поменяться Вадим не мог, как ни старался. Ему было хорошо с учебниками математики, с другом Бочкиным, а теперь еще и с Галей Бадровой.

С Галей он столкнулся случайно. Как-то на зимнем обледенелом асфальте Вадим нашел связку ключей. Связка была большая, он ее сразу заметил, поднял и оглянулся вокруг, ища куда бы повесить, – было ясно, что ключи кто-то потерял. Связку он пристроил на высокую тополиную ветку. Потоптавшись еще немного у дерева, он понял, что тот, кто ключи потерял, на этой ветке их никогда не найдет – просто не догадается посмотреть наверх. Пока он размышлял, что предпринять, на дороге появилась девочка с тем самым выражением лица, с которым заядлые грибники бродят по лесу. Она пытливо смотрела себе под ноги, заглядывала под снежные комья, оставленные нерадивыми дворниками, и что-то бормотала.

– Ты, что ли, ключи потеряла? – Вадим смущенно улыбался.

– Я, что ли, – рассмеялась счастливо девочка.

Веснушки на ее носу запрыгали, а челка прикрыла глаза. Девочка была такая счастливая, что Вадим тут же расплылся в широкой улыбке.

– А ты-то что радуешься? – спросила девочка.

– А фиг знает, ключи у тебя смешные, как от амбара.

– Это специально для бабушки, ей больными пальцами маленькие ключи тяжело держать, мы замки поэтому поменяли, вот и ключи большие и удобные.

– А, тогда понятно. – Вадим посмотрел в сторону. – Ты из двадцатьчетверки?

– Ага, – кивнула девочка, – из восьмого.

– И я из восьмого, только из двадцатки. – Вадим вдруг подумал, что ведет себя несолидно, и поэтому добавил: – Возьми и не теряй больше! А то все вынесут вместе с бабушкой.

Он вложил ключи в ладошку девочки и зашагал в сторону дома. Вадиму очень хотелось оглянуться, узнать, куда пошла девочка, но гордость и какое-то смущение не позволили ему это сделать. Вечером он пару раз обошел вокруг двадцать четвертой школы, потянул друга Бочкина зачем-то в Некрасовскую библиотеку, словом, крутился вокруг того места, где первый раз увидел девочку, потерявшую ключи. Поздно вечером он выглянул из окна и увидел, как по аллейке рядом с прудами идет та самая девочка. Свет фонарей, качающиеся ветки, вечерний снег мешали ее разглядеть, но Вадим для себя решил, что это она. Он вдруг почувствовал себя таким счастливым, что неожиданно для всех решил младшему брату задачу по математике, сестре аккуратно разрисовал тетрадь наблюдений, а Варваре Сергеевне рассказал о всех последних школьных новостях. Мать почувствовала, что ему хочется выговориться, но истолковала это по-своему.

– У тебя в школе все в порядке? Случайно к завучу не вызовут? – спросила она, рассеянно прислушиваясь к необычно многословному сыну.

– Все в порядке, – вздохнул Вадим и, совершенно не расстроившийся от невнимательности матери, пошел спать.

Десятый и одиннадцатый классы пролетели быстро – наполненные учебой, материнской беспокойной сварливостью и состоянием сумасшедшей влюбленности. Вадим к своему чув-

ству подошел основательно, математически – был составлен график занятий – обязательных, школьных, дополнительных, репетиторских. Каждый день был расписан буквально по минутам, и все ради того, чтобы в эти восемь – двенадцать часов обязательно вместились два-три часа, посвященные Гале. Вадим не позволял себе задержаться у телевизора, за обеденным столом, на улице с ребятами, он невероятным образом научился запоминать учебный материал и решать задачи. Он точно знал расписание городского транспорта на своих маршрутах. Он не терял ни минуты, а из этих минут складывались счастливые часы его теперешней жизни.

Галя Бадрова выросла в многодетной министерской семье – такой вот оксюморон. У коллег Бадрова-старшего было максимум по двое детей, а отец Гали, Николай Кузьмич, любил говорить, что «жить надо большим колхозом – выжить легче», и управлял своим семейством строгой рукой. Порядки, заведенные в их доме, нигде записаны не были, никто их вслух не декларировал и не обсуждал. Просто в порядке вещей считалось, что каждый из пяти детей – три девочки и два мальчика – в состоянии обеспечить уход за младшим по возрасту, а все вместе по мере сил помогали родителям. Помощь эта была примитивная – любая домашняя работа вплоть до чистки картошки и мытья посуды. Домработницы у Бадровых отродясь не было. «Черт его знает! Не могу я так, чтобы кто-то чужой по квартире ходил и за мной убирал», – Николай Кузьмич был искренен в своих чувствах – присутствие человека из числа обслуживающего персонала лишало его аппетита и вообще вкуса к жизни.

– Нас столько народу в доме – что, не справимся? – вопрошал он домочадцев.

Старшая дочь как-то осмелилась намекнуть, что не справятся, и тут же была поставлена на место.

– У нищих слуг нет! – пробасил Николай Кузьмич, и никто ему не смог возразить. Министр речного транспорта был действительно человеком небогатым – пятеро детей, которых надо было кормить, обувать, одевать, и патронирование кучи родственников с обеих сторон. Жена министра Бадрова взирала на все это спокойно, не сетуя на домашний аскетизм. По привычке она солила на зиму капусту, огурцы, варила варенье и делала соки. На «мадам министершу» она была совсем не похожа. Она помнила удивительно быстрый карьерный взлет мужа и внутренне была готова к такому же головокружительному падению. «Все правильно Коля делает, если что случится, дети не пропадут, к жизни приучены». Самым главным достижением семьи Бадровых была на редкость ранняя самостоятельность детей и полное отсутствие контроля со стороны родителей. Мать и отец так себя поставили, что сыновьям и дочерям даже в голову не приходило обманывать родителей. Даже в мелочах. Единственно, что позволял себе Николай Кузьмич, это попросить аргументировать целесообразность того или иного детского поступка.

– Миша, ты сегодня не пошел на тренировку? Думаешь, ничего, обойдется? Нагонишь? – Вопрос задавался доброжелательным тоном, без иезуитской родительской иронии.

Миша, четвертый по счету ребенок, защищал свою точку зрения почти с таким же пылом, с каким ученые мужи защищают научные гипотезы. Отец слушал внимательно, и, если сыну удавалось его убедить, на этом разговор и заканчивался. Если же доводы были слабы, следовало короткое: «Не убедил». И Миша еще долго мучился от того, что понимания с отцом по данному вопросу не найдено.

Старшее поколение Бадровых занимало в семейной иерархии почетное место. Министр речного транспорта самый подробный отчет о своих действиях давал не начальству, а своей маме Елизавете Филипповне. Эта дама пребывала в состоянии борьбы с несовершенным миром. Николай Кузьмич выслушивал ее бесконечные претензии внимательно, без малейших признаков нетерпения.

– Папа, бабушка очень часто ворчит не по делу, – не выдерживала старшая дочь.

– Знаю, но слушать я бабушку буду столько, сколько надо. И когда я стану таким же старым, как она, ты будешь слушать меня. И не перебивать.

– Почему?

– Так надо, – отрезал Николай Кузьмич.

Если бы старшая дочь была понастойчивей, то услышала бы от отца слова, которые ему сказал один врач: «Наши старые родители должны гневаться, сердиться, воспитывать нас и окружающих. Недовольство миром – это единственное, что им оставила жизнь. Это их последняя социальная роль. Терпите, зато у вашей матушки не будет малярии. Это я вам как врач говорю».

Галя с Елизаветой Филипповной дружила с малолетства. И при этом между ними не наблюдалось такого женского кокетливого междусобойчика. Бабушка не изображала подружку, а Галя всегда помнила, что бабушка – это целых два поколения назад и говорить с Елизаветой Филипповной обо всем, как с приятельницей, значило бы ставить ее в неловкое положение.

– Переезжай ко мне, к школе ближе, мне веселее, да и отдохнешь от вашего столпотворения, – предложила как-то Елизавета Филипповна, глядя, как Галя нехотя собирается домой.

Отец с матерью не спорили – дочь можно было отпустить хоть к пингвинам и точно знать, что пингины через месяц будут аккуратно застилать кровать и держать в чистоте уши и шею. Галя была на седьмом небе от радости. При всей необъятности квартиры на Котельнической набережной, уединение найти там было сложно – братья, сестры, их друзья, обязательный родственник или родственница, гостившие подолгу. Галя из всех детей была самая серьезная и обстоятельная – любительница серьезного чтения, долгих занятий, она нуждалась в одиночестве.

Переезд был скорым – водитель Николая Кузьмича перевез три большие сумки с одеждой, обувью и книгами.

Елизавета Филипповна жила в старом доме. Дом когда-то был доходный, потом коммунальный, потом с отдельными квартирами, особенностью которых были прихожие в виде одиннадцатиметрового коридора. У Елизаветы Филипповны все это пространство было заставлено узкими темными шкафами, отчего квартира приобрела вид мрачного пенала. Впрочем, комнаты, а их было две, были светлыми – по два окна в каждой. Маленькую отвели внучке. Галя посмотрела внимательно на углы, на пол и устроила ремонт. Свежие обои, отциклеванный паркет, побеленные потолки – и после этого даже одиннадцать метров темного дерева при входе стали выглядеть веселее. Что удивительно, Елизавета Филипповна, боявшаяся всяческого движения вокруг себя, все эти хлопоты восприняла доброжелательно.

– Правильно, скоро к тебе будут молодые люди ходить, а тут стариковским духом пахнет.

– Бабушка, не выдумывай, просто у тебя по углам уже паутина висела.

– Она не просто так висела. Там, где живут пауки, не водятся тараканы. Запомни это на всю жизнь. Я как биолог тебе это говорю. Впрочем, где грязи нет, там тоже тараканы не заводятся.

Когда бабушка, в прошлом ученый-биолог, говорила про паутину, Галя ей верила, а когда речь заходила о молодых людях – нет. Не верила Галя, что к ней в гости будут ходить молодые люди. Но с бабушкой не спорила и не рассказывала ей, что этот переезд из Котельников на Бронную для нее, пятнадцатилетней московской школьницы, был все равно что отъезд тургеневской барышни на воды Баден-Бадена. Галя с готовностью сбежала к бабушке, потому что безответно влюбилась в своего соседа Андрея Тишкова. Этот молодой человек с орлиным взором серо-голубых глаз был начинающим хоккеистом. На два года старше Гали, он сумел вскружить ей голову своим решительным броском шайбы в ворота противника. Отец, случайно смотревший матч юниоров, произнес:

– Смотрите-ка, Андрюша-то наш звездой скоро станет!

Галя рассеянно посмотрела на экран телевизора и поняла, что пропала. Соседу, с которым она еще вчера бегло здоровалась, рукоплескали трибуны, относительно его дальнейшей спортивной карьеры комментаторы состязались в самых смелых прогнозах, а он только небрежно отталкивался от шербоатого бортика и стремительно скользил в гущу противников. Иногда камера выхватывала его лицо, усталое, с темным румянцем и горящими глазами. Было видно, что он захвачен игрой, что ему нет дела до того, как он сейчас выглядит, и до возможно скорой славы. Галя только на экране увидела, как красив ее сосед.

– Привет, я тебя по телевизору видела! Ты отлично играл! – Галя встретила парня через несколько дней и не могла не остановиться. Она даже не понимала, что говорит и как выглядит. Сердце у нее билось до боли в горле. Сосед остановился и улыбнулся:

– Ты не видела, как я играл на первенстве Европы! Вот это была игра! Мне самому понравилось. А это – так, разминка!

Тишков махнул рукой и заспешил было из подъезда.

– Ты что – болельщица? В хоккее петришь?! – приостановился он вдруг на мгновение. – Так я тебе билеты достану. На любую игру, только скажи, какого числа! Сейчас многие девчонки увлекаются.

Галя, находясь в том же оцепенении, только кивнула:

– Достань, пожалуйста! На любой.

– Что, на любой?

– На любой матч.

– Заметано. Завтра зайду к тебе, ты же в 86-й квартире живешь?

– Да, – кивнула Галя, чувствуя, как краснеет.

– Пока. – Тишков махнул рукой и исчез за массивными входными дверями.

«Понятно, что многие девчонки увлекаются, – по-женски язвительно подумала Галя, – когда такие хоккеисты играют».

И Андрей Тишков принес ей билеты, а она, одетая совсем не так, как обычно, напоила его чаем, краснея, пыталась вести какой-то разговор, а когда в комнату прилетели младшие братья и влезли в беседу, прикрикнула на них так, что один даже обиделся до слез. Галя, раздраженная, что и двух слов нельзя сказать с гостем без посторонних, вдруг пожаловалась:

– У нас просто вокзал! Ты же будешь играть, да? Можно будет поговорить потом?

Тишков улыбнулся довольно:

– После игры? Поговорим, попробуем!

Через несколько месяцев, когда уже Галя по именам знала не только сборную страны по хоккею, но и сборную Канады, раздался ночной телефонный звонок.

– Галю можно? – Женский голос в трубке был встревожен.

Николай Кузьмич, поднявший трубку спросонья, с перепугу перебрал всех своих родных сестер.

– Маша, ты?! Нет, по голосу не узнаю! Надя? Что случилось, слышно так плохо!

– Нет, извините, это знакомая Гали. Она мне срочно нужна!

Николай Кузьмич детям доверял, а потому без лишних вопросов передал дочери трубку:

– Галка, тебя спрашивают! Говорят, что-то случилось!

Галя, почти ничего не соображая, подскочила к телефону:

– Алло! Я слушаю!

– Галя! Вас срочно просит прийти Андрей! Он заболел, ему очень плохо, но он не у себя дома. Он на Солянке, дом номер четыре, квартира двенадцать. Он очень просит прийти именно вас.

– Сейчас же... – Галя осеклась. С Андреем что-то случилось, ему нужна помощь, а она думает про то, который сейчас час.

– Папа, мне нужно срочно уйти. Я тут, недалеко, на Солянку.

– Дочь, ты с ума сошла, я тебя не пущу.

Николай Кузьмич был отличным отцом. Он посмотрел на Галю, понял, что ничего не понимает, но сказал:

– Я тебя провожу. Только до дома. И подожду, все-таки два часа ночи.

Галя не стала спорить, быстро собралась, и они пошли на Солянку. На улице было морозно и оттого торжественно – снег был крахмально-белым, старая церковь, освещенная снизу, главенствовала над остальными домами, шаги в тишине подчеркивали пустоту ночного города. Галя вдруг вспомнила, что совсем недавно, точно в это же время суток, только в новогоднюю ночь, они с Андреем гуляли вокруг высотки. Вернее, они даже не гуляли, они столкнулись в подъезде – Галя спустилась угостить консьержку Жанну Павловну новогодним тортом, а Андрей вошел с улицы.

– С Новым годом! – в один голос поздравили они друг друга.

– Ты откуда? – опять почти в унисон задали они вопросы друг другу и тут же рассмеялись. А затем решили немного побродить вокруг дома.

– Сейчас хорошо – все уже наелись и glareют телевизор. Еще час-другой, фейерверки запускать кинутся, и прощай, тихая ночь. – Андрей вытащил из куртки пачку сигарет.

– Ты что, куришь? – Галя с ужасом уставилась на него.

– Иногда, вернее, не курю, а сейчас просто захотелось прогуляться и покурить. Как будто нет тренировок, сборов, соревнований.

Галя кивала – она очень хорошо его понимала. Она видела, какой это труд, какое напряжение. Ничего страшного, если он немного расслабится. Она запахнула куртку, натянула варежки. Как приятно было идти рядом с Андреем, слушать его шутки! Она чувствовала, что он оживлен, легок в настроении, куда-то исчезла его резкость, которая обычно проявлялась даже не в словах, а в интонациях. Сейчас он был почти ласков. «Какой он красивый и близкий... Никуда не спешит и даже не пошел домой, а остался со мной». – Галина душа поддавалась соблазну иллюзий...

Сейчас она шла по тем же улицам с отцом. Было видно, что Николай Кузьмич взволнован, но не рассержен, а скорее озадачен:

– Дочка, если хочешь, пойдём вместе! Вдруг моя помощь понадобится?

– Нет, пап, спасибо. Подожди меня у подъезда. Я в квартиру двенадцать. И не волнуйся.

– Хорошо, – кивнул отец, сам себе удивляясь, – только недолго.

Галя поднялась на нужный этаж и позвонила в двенадцатую квартиру. Дверь открылась. В ярко освещенной квартире загремела музыка, что-то вроде бравурного марша, находящиеся в ней девушки и парни столпились в прихожей и громко засмеялись, загалдели, зашумели.

– Ты глянь, Андрюха, из пяти только одна явилась. Это – лю-ю-бовь! – Какая-то девушка с длинными волосами обняла за шею Андрея Тишкова, который стоял в центре компании. Красивая рубашка была расстегнута на его груди, светлые волосы растрепались, а глаза стали темно-синими. Галя, ничего не понимая, молча смотрела на смеющихся людей. «Он красивый, а она, наверное, его девушка. Тоже красивая». – Галя вдруг почувствовала зависть к этой темноволосой красавице, которая была так уверена в себе, в том, что ее жесты, ее слова будут поняты правильно не только окружающими, но и Андреем. «Он тоже ее любит. Зачем тогда со мной на Новый год гулял?» – подумала Галя, развернулась и стала молча спускаться по широкой лестнице.

Между тем первым матчем, когда она увидела начинающего хоккеиста, и этой ночью были их долгие разговоры, якобы случайные встречи в широких вестибюлях родной высотки, множество звонков «по делу»: «Ты не скажешь, в каком году мы выиграли у канадцев?», прогулки по Яузскому бульвару, два чаепития у Тишковых дома, посещение матчей с его участием. («Тиш-ков! Тиш-ков! Тиш-ков!» – кричала она со всеми трибунами вместе, а потом ждала его у служебного подъезда, но ехали домой они порознь – он на автобусе с командой, она – на метро,

счастливая от того, что целый вечер могла его видеть.) Между тем первым взглядом и этой ночью пролегла ее первая влюбленность полудевочки, полуженщины. Влюбленность наивная и разрушительная из-за своей безнадежности.

– Ну что, все хорошо? – министр речного транспорта таился у подъезда, как воришка на шухере.

– Да, почти, – ответила Галя, а когда они вышли из двора-колодца и подошли на угол Солянки, она посмотрела на темную махину дома и расплакалась.

– Вот так, – проговорил Николай Кузьмич, – вот так! И зачем? И почему?

Он приговаривал, а сам обнимал свою выросшую дочь. Он все понял, но помочь ничем не мог, а потому только сопел и гладил овечий воротник ее дубленки.

Елизавете Филипповне Галя не верила – молодые люди еще очень не скоро придут к ней в гости, а если и придут, то выглядеть будут они совсем не так, как Андрей Тишков. Ей больше такие истории не нужны. Синица в руках – вот ее счастье. Пусть небольшое, скромное, но свое. Как домашний творог – без красивой упаковки и не такой вкусный, зато не отравишься.

Когда Галя первый раз увидела Вадима, детали жестокого розыгрыша почти забылись. Она даже не думала о восходящей хоккейной звезде. Она все это забыла, как забывают страшное, поскольку мозг отказывается помнить унижение, помнить то, что может разрушить весь организм.

– Он – странный. Человек не может молчать целый вечер, если он здоров и воспитан. – Елизавета Филипповна поджимала губы. Только что их дом покинул молодой человек, которого внучка пригласила на чай. Ну, конечно, предлогом были занятия по алгебре, но вечер закончился чаепитием и черничным пирогом. Молодой человек мрачно просидел над своей чашкой целый вечер, на вопросы отвечал односложно и только иногда поднимал свои большие глаза и внимательно рассматривал стену над головой Елизаветы Филипповны. Отчаявшись завести легкий светский разговор, бабушка Гали замолчала и, выразительно посмотрев на внучку, произнесла:

– Так, ну пора кроссвордами заняться! Память потренировать.

Она было уже поднялась с кресла, но в этот момент гость произнес:

– Лучше задачи решать математические. От них больше проку. Я вам могу написать несколько. Они интересные, головоломки такие.

– Я, молодой человек, биолог в прошлом, но вряд ли я справлюсь с математикой!

– Справитесь. У вас есть способности, – серьезно произнес пятнадцатилетний гость.

– Вы думаете? – снисходительно произнесла бабушка.

– Да. Вы очень интересно разрезали пирог. Как будто заранее рассчитали. А пирог был круглый, на глаз его разделить сложно.

Елизавета Филипповна наконец-то улыбнулась.

Но все равно он был странным. Немногословным, застенчивым, скорее мрачным, чем серьезным. Для юноши его лет он был слишком заторможенным. Галя и сама видела все это. Но еще видела и другое. Мальчик был правильным – его вежливость была продиктована не правилами этикета, а искренней заботой. Мальчик был вдумчивым и внимательным, он умел слушать и слышать. С ним возникало чувство надежности и покоя. Но самое главное, мальчик был в нее влюблен, она это видела. Эта влюбленность сквозила во всем – в скупых словах, неловких движениях, застенчивости. Неизбежно сравнивая Вадима с Андреем, Галя вздыхала – на фоне успешного и яркого хоккеиста Вадим проигрывал, но рядом с ним она чувствовала себя свободно и уверенно.

– Бабушка, я выйду замуж за такого, как Вадим, – поделилась с Елизаветой Филипповной десятиклассница Галя.

– И когда же свадьба? – Бабушка не удержалась от язвительности.

– Думаю, после школы. Сразу же. – Галя была серьезна.

– Ты уверена?

– Да. Он мне сделает предложение.

– Он – тяжелый человек. С таким в жизни будет непросто.

– Он – порядочный.

– Он очень не уверенный в себе.

– И пусть. Лучше так, чем глупость и пустозвонство.

– Галя, не рано ли мы обсуждаем так серьезно кандидатуру в мужья? Вам еще учиться и учиться. И ты можешь встретить другого человека.

– Могу. Но не хочу никого больше встречать. Вадим мне нравится, и потом, бабушка, я хочу выйти замуж и... успокоиться. Понимаешь, сделать дело и успокоиться. Не думать больше ни о чем. Не переживать, не волноваться. Я ведь не красавица, и хвост поклонников не стоит у моей двери. Ты, бабуля, меня не успокаивай – я не переживаю по этому поводу. Я знаю, что в конце концов это все рано или поздно должно случиться – семья, дети. Так, может, не откладывать...

– Галя, желательно еще любить.

– Вот он и будет любить меня.

– А ты?

– Я тоже. Но потом, позже.

Елизавета Филипповна промолчала. Характера внучке было не занимать, силы воли и упрямства – тоже, но чтобы вот так, в таком возрасте распланировать жизнь?! Бабушка с удивлением наблюдала, что отношения между Галей и все чаще и чаще появляющимся в ее доме юношей становятся похожи на супружеские. Словно они, еще десятиклассники, договорились негласно о том, что жить будут вместе, хозяйничать тоже, потом, может быть, появятся дети. Фейерверка страсти бабушка не наблюдала. «Я была не права. Мальчик хороший и в нашу Галку влюблен. Но уж слишком она прагматичная». – Елизавета Филипповна вздыхала про себя.

– Мама, я перееду в свою квартиру в конце первого курса, – сказал как-то Вадим озадаченной Варваре Сергеевне. Он только не объяснил, что сейчас ему удобней жить здесь, ближе к Гале, которая, как и он, изо всех сил готовилась к поступлению в институт и совсем не имела свободного времени для свиданий.

– Вад, – как-то сказала Галя замерзшему влюбленному, который прождал ее сорок минут у дверей института, где занимались абитуриенты, – не глупи, не смотри на меня, переезжай. Будешь сам себе хозяин. Это же так здорово.

Вадим понятия не имел, что он будет делать с этой свободой без Гали.

– Перееду. Сразу, как только мы поступим и поженимся.

Так Вадим сделал предложение руки и сердца.

– Господи, договорились. Только поженимся через год. В конце первого курса. Я так хочу, – ответила невеста.

Оба они, совершенно взрослые, не сговариваясь, решили, что должное испытают только тогда, когда станут мужем и женой. Впрочем, Галя иногда нерешительно произносила:

– Если ты хочешь, мы можем...

Вадим, задыхающийся от неумелых поцелуев, мотал головой – упрямый и выдержанный, не сбитый с толку циничными приятелями, Галю он был готов ждать вечность.

Свадьбы у них не было.

– Это единственное, о чем я тебя прошу. Давай без всего, без этого... – Вадим с ужасом представил ту помпу, с которой его мать обставит это и так не простое мероприятие.

Галя мысленно представила себя в белом платье и фате, тяжело вздохнула и ответила:

– Черт с тобой. Давай без этого. Но от разговора с моим отцом тебе не отвертеться.

– А я и не возражаю.

Результатом продолжительного, спокойного разговора с Бадровым-старшим была договоренность об обязательной скромности предстоящих свадебных мероприятий.

– Понимаю тебя. Сам не люблю этого звона. С твоими постараюсь договориться, – сказал будущий тесть.

Молодые расписались в ЗАГСе, затем оба семейства собрались в хорошем ресторане отметить торжество.

– В конце концов, вы почти одного уровня. – Варвара Сергеевна поправила запонку на рубашке мужа. – Он – министр. Твой пост можно приравнять к министерскому.

– Варя, нельзя. – Алексей Владимирович попытался выдернуть руку в манжете. – Он – действительно министр. Так что ты с уважением к нему. Не задирай нос. И, кстати, мужик он очень хороший, я тебе уже говорил. Скромный. И вообще мы уже опаздываем, думаю, что все уже собрались.

– Вот и хорошо, – протянула Варвара Сергеевна. – Лучше, чтобы тебя ждали, а не ты ждал.

Алексей Владимирович покачал головой – светские амбиции жены иногда его очень раздражали. Ему нравился выбор сына. «Конечно, рановато, мог бы еще и погулять, но Галина – то, что ему надо. Без завихрений и надежна, как страховка альпиниста. С такой по жизни идти, может быть, и скучно, но зато без неприятностей», – думал он, поглядывая на скромно одетую невесту и совершенно потерявшего голову сына. Вадим так волновался и так радовался, что выглядел немного по-дурацки.

– Парень далеко пойдет. – Бадров-старший обратился к Алексею Владимировичу. – Рад, что породнились. Если что, поможем, подтянем, плечо подставим. Главное, чтобы сами глупостей не совершали.

– Ну по-моему, для них все уже сделано, – вступила в разговор Варвара Сергеевна. – Я родила третьего ребенка, прежде чем мы переехали в сносное жилье. А у них, пожалуйста, квартира в центре Москвы, да еще в таком доме.

Алексей Владимирович поперхнулся – намек был такой очевидный: мол, мы со своей стороны уже все сделали, жильем обеспечили, теперь ваша очередь удивлять нас и помогать молодым.

– Да, Галя нам говорила. Ей очень понравилась квартира, все очень красиво сделано и оформлено. И мы еле-еле уговорили их жить там. «Варвара Сергеевна всю душу вложила в этот дом, а вы так отмахиваетесь», – я Вадиму так и сказала. А они ведь собирались снимать комнату или с бабушкой на Бронной жить. – Мама Гали с добрым лицом жаловалась на детей.

– Как? – Варвара Сергеевна чуть не упала в обморок. – Как с бабушкой? Мы же столько туда труда вложили! Что они, по-человечески не хотят жить?!

– Ну почему же, с бабушкой – это как раз по-человечески, – вмешался Алексей Владимирович. – Наверное, они самостоятельность хотели проявить. Это хорошо. Вадим всегда поступал не так, как ожидаешь.

– Что ты говоришь?! – не стесняясь окружающих, воскликнула Варвара Сергеевна. – При чем тут самостоятельность?! Им такую квартиру предлагают, а они...

– Не обижайтесь, дорогая сватья. – Николай Кузьмич хитро улыбнулся. – Иногда молодым надо почувствовать себя совсем взрослыми, пережить трудности, преодолеть неприятности. Это хорошо, что у них есть те, кто поддержит в любую минуту, но важно, что они не хотят садиться на шею.

«Сватья» – архаизм какой-то! Не хватало этого мне!» – Варвара Сергеевна чуть не заплакала – с этой девицей и ее семьей она никогда не найдет общий язык.

Алексей Владимирович взял под руку жену – ему не понравилось то, что Вадим считал возможным не обсуждать с родителями подобный вопрос. «А что удивительного, мне было бы некогда вникать, а мать бы истерику закатила!» – размышлял он.

Сидя в ресторане, куда они опоздали на целых полчаса, Варвара Сергеевна подумала, что в иных случаях скромность не к месту. «Почему нельзя было устроить настоящую свадьбу, как у людей? С «Чайками», кортежем и прочими красотами. Почему вместо этого куцее собрание в ЗАГСе и небольшой обед в рядовом ресторане?», – думала она, ни минуты не сомневаясь, что против пышных торжеств была сторона невесты. Она не поверила ни единому слову Вадима, будто именно он упросил Галю отказаться от церемонии в белом платье. Варвара Сергеевна посчитала, что все из-за нетребовательности и стремления сэкономить Бадровых-старших. Надев на себя самую высокомерную мину, она просидела весь ужин молча, иногда лишь вставляя замечания. К ее сожалению, этот демарш окружением замечен не был – молодые стеснялись своего нового статуса и, конфузясь, без конца о чем-то шептались между собой. Бадровы и Алексей Владимирович говорили о политике, знакомых и между делом желали Гале и Вадиму счастья и много детей.

Для Вадима этот день был испытанием – внимание посторонних он, как известно, терпеть не мог, к тому же боялся, что мать позволит какую-нибудь бестактность по отношению к родственникам жены. Но больше всего он боялся первой брачной ночи. И сейчас Вадим, безумно уставший от суеты, волнений, ожиданий, хотел только одного – чтобы все это, включая и брачную ночь, быстрее закончилось и жизнь вошла в привычное русло. Галя, чутко улавливающая настроение мужа, успокоила его:

– Как только мы выйдем из ресторана, все будет так, как раньше. Ну, за исключением некоторых деталей.

Она посмотрела на озадаченного Вадима и рассмеялась.

Вадим женился так, словно решил сложную задачу из высшей математики, – сделал это спокойно, уверенно, не сомневаясь в правильности конечного ответа. Самым тяжелым для него оказалось свадебное торжество.

– Вот, Вадим, мы с отцом сделали для вас все, что могли. Живите, будьте счастливы и нас радуйте, – сказала на прощание молодым Варвара Сергеевна. Она не могла понять всего происшедшего, но спорить с Вадимом и этой странной девушкой уже не было сил.

Счастье Вадима пахло новыми обоями, беспокоило откуда-то снизу, с Тверской, автомобильными сиренами и имело вид тоненького льняного халатика в мелкую ягоду-клубнику. Когда этот халатик падал на пол рядом с большой двуспальной кроватью, Вадим обмирал от неистовства и покорности одновременно.

– Я тебя так люблю, – сказал он однажды ночью Гале, – я даже не представлял, что способен так любить.

– А ты вообще не представляешь, на что ты способен... – Голос молодой жены прозвучал ровно, спокойно и уверенно.

– Ты думаешь?

– Я знаю, – ответила Галя. Она давно все знала про своего мужа – человека очень одаренного и ранимого. Она с чисто женской прозорливостью уловила уязвимые места, втихомолку осудила свекровь за явное непонимание сына и пообещала себе сделать его счастливым. И известным.

В тот необычный день, когда Вадим принес домой гору золота, Галя прикидывала недельный бюджет. Выходило, что самостоятельным молодоженам стоило отложить даже первоочередные покупки – инфляция, отсутствие недорогих продуктов и всеобщая нестабильность держали в напряжении.

– Послушай, я не хочу обращаться за помощью к родителям. У меня стипендия через две недели, твою мы уже почти потратили, деньги за рефераты раньше чем через десять дней ты не получишь. Давай пельменей купим и успокоимся... – Галя весело смотрела на вошедшего мужа. Она сама, привыкшая к скромным условиям родительского дома, не особенно переживала из-за подобных проблем. Но ей не хотелось, чтобы муж бросал научную работу и кидался в омут скорых и непрофильных заработков.

– Давай пельмени. Я что-то не помню, сколько они стоят, но вот этого хватит, – с этими словами Вадим рассыпал перед онемевшей Галей золотые монеты.

– Хватит, даже сдачу дадут, – шепотом ответила она...

Всю ночь они не спали. Монеты такой же россыпью лежали на столе, а Вадим и Галя шептались между собой, словно богатство их может услышать или их громкие голоса могут его разбудить.

– Ты представляешь, это хранилось у твоего деда. И никто об этом не знал.

– У прадеда. А он тайком передал деду. А тот – отцу.

– Я только понять не могу – отец твой такой пост занимал, и что, никто не знал, что он из семьи священника?

– Не забывай, тогда была война. И церковь тоже воевала, только по-своему. И людей поддерживала, и деньги собирала, и сокровища продавала.

– Откуда же у него эти монеты?

– Отец сказал, что прадед был известным коллекционером. Он и картины собирал, и книги редкие, и иконы... Только это все не сохранилось. А монеты маленькие.

– Что ты хочешь с ними сделать? – Галя приподнялась на локте и посмотрела на стол.

– Что мы хотим с ними сделать? – Вадим обнял жену.

– Это огромные деньги и... память о семье. Мне кажется, что Алексей Владимирович возлагает на тебя особые надежды. Хотя никогда об этом не говорит. И ты ближе ему, чем твой брат.

– Мы не успели с ним поговорить по душам. Только совсем немного теперь, когда он заболел. Я сейчас жалею об этом. Он очень плох, и я боюсь показать, что чувствую его уход.

– Постарайся об этом не думать – ничего не изменишь. Твой отец был столпом вашей семьи. Во всех смыслах. И именно ты должен занять его место. Не потому, что ты старший, а потому, что Алексею Владимировичу хотелось бы этого. Но он тебе этого никогда не скажет. Даже теперь. – Галя помолчала, а потом произнесла: – С этими деньгами ты начнешь свое дело. Настоящее большое дело. Думаю, что Алексей Владимирович одобрит это решение.

Через два месяца Вадим зарегистрировал свою компанию. Галя была полна надежд, Варвара Сергеевна – скепсиса, сестра Аня – удивления, а младший брат – неожиданной зависти.

Младшенький

Так он и не понял, брат завтра будет играть с ним или опять усядется за свои книжки. Юра послонялся по детской и тихонько заглянул в гостиную. Там за большим столом сидел Вадим и решал задачки. Вся жизнь пятилетнего Юры складывалась из двух дел – поиграть в «войнушку» и запустить немецкую железную дорогу, которая была установлена в детской комнате. Родители строго-настрого запретили Юре подходить к ней в отсутствие старшего брата.

– Запомни, во-первых, это электричество. Маленькие не должны с ним баловаться, а во-вторых, это очень дорогая игрушка. Здесь ведь не только рельсы и вагончики, здесь и станция, и строения всякие, и деревья, и даже люди. Папа ее собирал целых два дня. Так что только с Вадиком.

Юра кивал и терпеливо ждал, когда освободится старший брат. Но брат не спешил – он приходил из школы, обедал и усаживался за домашнее задание. Уроки он делал быстро, но не вставал из-за письменного стола. Он открывал одну книжку за другой, что-то писал, считал, шевеля губами.

– Вадик, давай поиграем в войну. – Юра осторожно входил комнату.

Ответа обычно не следовало – Вадим сосредоточенно смотрел в тетрадь.

– Ну, Вадик, ну давай, – начинал тоненьким голоском выводить Юра.

Вадим молчал. И только на четвертый раз он, не поднимая глаза, бурчал:

– Не хочу, я терпеть не могу эту игру!

– Тогда железную дорогу позапускаем? – с готовностью отзывался Юра, поскольку такого ответа только и ждал.

И в самом деле, Юра давно понял, что старший брат не любит играть в обычные игры. Он терпеть не мог мяч, ружье, пистолеты, которые привозил им отец из командировок. Вадим не любил изображать побеждающих красноармейцев и умирающих фашистов. Всему этому брат предпочитал книжки. Юра попытался сам читать, но выходило пока это у него плохо, да и усидчивости не хватало. Вот и получалось, что целыми днями Юра скучал.

– Может, его в детский сад отдать? Парень мается, занять себя ничем не может. Вадим – тот всегда найдет что делать, хоть газету вверх ногами читать будет, – предложил однажды Алексей Владимирович.

– С ума сошел. Наши дети будут воспитываться дома, – ответила Варвара Сергеевна высоким голосом.

– Тогда ты с ним больше времени проводи! Займи чем-нибудь!

– Я и так его с собой везде беру.

– Вот по гостям бы я его не таскал. Нечего ребенку делать среди теток.

– Он учится с людьми общаться. Вадим вырос букой, слова не может вымолвить.

– Зато голова у него соображает.

– Вот и отлично, пусть Вадим с ним иногда занимается, играет. Ты все время на работе, а я вижу, что Вадим к Юре относится иногда плохо. Он не понимает, что тот еще маленький и ему требуется внимание.

Отец ничего не ответил, а Юра расстроился. Конечно, если бы отец приказал Вадиду, то он бы играл с младшим братом. Но он больше на эту тему не разговаривал ни с кем, и Юра опять целыми днями слонялся по квартире. Правда, иногда мама брала его в гости, там было много взрослых, которые его все время дергали и удивлялись, что он совсем не похож на старшего брата.

– Папа, что, все люди должны быть похожи на Вадима? – спросил он потом отца.

– С какой стати? – удивился тот.

– Значит, и я не должен быть похож?

– Ты должен. Вы же братья. Ближе родственников нет, понимаешь. Вот мы станем старенькими, вы – большими и будете помогать друг другу, заботиться друг о друге, беречь друг друга.

Юра задумался. Он представил, как отдает самые вкусные конфеты Вадиму. Картинка выходила очень приятная. Он – добрый, Вадим – бедный, у него конфет нет. Потом Юра попытался представить, что Вадим отдает ему конфеты. Картинка не получалась – Вадим всегда такой насупленный, что добрым и щедрым его представить было сложно. Даже за обеденным столом, когда мама давала жареного цыпленка, Вадим поджаристую кожицу не ел, а оставлял на краешке тарелки. А что ему стоило сказать:

– Юра, хочешь самую вкуснятину?

И если папа говорит, что ближе людей нет на свете, почему Вадик с ним никогда не играет. Вернее, один день они самые лучшие друзья и паровоз запускают, и смеются над каждым пустяком, и печенье из вазочки делят пополам до последнего кусочка, и даже одно яблоко старший брат отдает ему. А на следующий день его не узнать – даже «привет» не скажет, молчит. Юра помнит вчерашний такой веселый и дружный день, заговаривает, а Вадим молчит, хмурится, как будто его подменили.

Или вот еще. Юра разбил коленку. Кровь текла, мама охала, папа хмурился и успокаивал его, а Вадим даже слова не сказал. Правда, потом он Юру, которому велено было лежать на диване с тугой повязкой, фокусами развлекал...

Юра вздохнул – совершенно непонятно, близкий ли ему человек старший брат.

– Привет, на Патриках будешь вечером?! – Девочка с челочкой и в голубых джинсах кокетливо щелкала замочком сумки.

– Не знаю! Что там делать?!

– Все наши собираются. Сандра будет.

– Она что, приехала уже?

– Да, с родителями. И уже звонила и спрашивала про тебя.

– Ну и...

– Что – ну и? Что передать ей?

– А сама мне позвонить не может?

– Так вы же поссорились перед ее отъездом!

– Мало ли... Я уже и забыл.

– А она помнит.

– А чего тогда про меня спрашивает?

Разговор зашел в тупик. Девочка с челочкой покачала головой, еще раз щелкнула замочком и, махнув рукой, пошла в сторону Вспольного переулка. Ее собеседник, высокий красивый светловолосый юноша, улыбнулся и двинулся в сторону дома.

– Мама, я пришел!

– Почему так долго?!

– Ленку Хохлову встретил!

– Леночку? Она разве в Москве?

– И она в Москве, и Сандра с родителями приехала!

– Что ты говоришь, надо позвонить им! – Варвара Сергеевна покачала головой. – Сколько же из вашего класса ребят уехало за границу?

– Человек шесть. Не так много. Почему отца не могут отправить куда-нибудь? И мы бы с ним уехали.

– Юра, отец высокий пост занимает, партийный. Ему надо в Москве быть. А чем тебе здесь плохо?

– Да нормально, но мир хочется посмотреть.

– Еще успеешь! Поступишь в институт, все сделаем, как надо, – уедешь.

Варвара Сергеевна была откровенна с сыном – он все понимал и в житейских коллизиях отлично ориентировался. Более того, для своего возраста был достаточно циничен. Мать это не пугало – она считала, что цинизм в малых дозах – необходимый компонент взросления.

– Мам, боюсь, что отец заставит трудовой путь проходить «как положено»!

– Успокойся, не заставит. Только не запускай учебу. Аттестат, хоть и формальность, но должен быть красивым. Давай обедать!

– Вот у кого будет аттестат, так это у Вадима!

– Да, но проку от этого?! Характер такой, что непонятно, где и с кем он уживется и сработается. – Варвара Сергеевна на минуту замешкалась, обсуждать старшего сына с младшим было не очень красиво, но доверие к Юрочке и желание посудачить взяли верх. – И никак не могу добиться, чтобы при людях себя вел нормально. Может, ты хоть как-нибудь ему намекнешь?

Юрий приосанился – несмотря на возраст, детское соперничество жило в нем. Более того, оно с каждым годом усиливалось. Молчун Вадим своей скрытностью будил в Юре подозрения – за скрытностью чудилось превосходство, «kozyрь в рукаве». И с некоторых пор Юра старался сказать что-то плохое о Вадиме, так, на всякий случай...

Варвара Сергеевна тем временем поставила на стол две тарелки, положила приборы и стала наливать суп. Обеды вдвоем с младшим сыном были ее любимым временем. Утром все спешили, хватали на ходу бутерброды, ужин у всех был в разное время, и поздно вечером приезжал усталый муж, которому Варвара Сергеевна посвящала все свое внимание. А обед был самым лучшим временем. Дела сделаны, все разъехались, и только Юрий, который к этому времени приходил из школы, располагался за столом. Обедали со вкусом, обсуждая всевозможные вопросы. Школьными занятиями мать интересовалась редко. Чаще всего она что-нибудь рассказывала о знакомых, о том, как они съездили в очередную туристическую поездку, расспрашивала о друзьях и знакомых девочках. Юре все эти разговоры нравились – в обществе матери ему было хорошо. Варвара Сергеевна обсуждала с ним почти все домашние проблемы и встречала полное понимание пятнадцатилетнего сына. «Странно, Вадим, такой способный и одаренный, в житейском смысле абсолютный ребенок! В то время как Юра усердием не отличается, читает мало, очень практичен и сметлив. А главное, не теряется ни в какой ситуации – умеет и любезным быть, и полезным», – замечала про себя Варвара Сергеевна.

А еще мать не могла не нарадоваться тому, каким красивым стал ее сын. И действительно, Юра пошел в мать – светлые волосы, румянец во всю щеку, глаза большие, синие. Крепкое телосложение было результатом долгих тренировок в плавательном бассейне.

– У пловцов и баскетболистов самые красивые фигуры, – как-то сказала Варвара Сергеевна.

Сын на эти слова обратил внимание и купил абонемент в бассейн. Три раза в неделю, в любую погоду, он ездил через всю Москву в спортивный комплекс «Динамо». Отношение к собственной внешности у него было самое серьезное, он искренне полагал, что красивым жить легче.

– Почему Вадим такой нелюдимый?! – не уставала восклицать Варвара Сергеевна. Юра внимательно рассматривал брата и приходил к выводу, что все дело во внешности: «Он – некрасивый, поэтому и стесняется!»

– Мам, не дергай его. Такой уж он у нас! – говорил Юра, а за этими словами читалось: «Его можно только пожалеть!» Варвара Сергеевна младшего сына не одергивала.

Повзрослевший Юра теперь не задавался вопросом, насколько близок ему Вадим. Время детской доверчивости, жажды верного защитника и крепкой родственной дружбы прошло. Он обманулся в ожиданиях – как ему казалось, Вадим так и не признал его близким человеком. От старшего брата не исходило никаких теплых импульсов, которые могли бы сохранить Юрин

интерес. Если бы Варвара Сергеевна была внимательнее, она постаралась бы объяснить, что дело не в неприязни, а в свойствах характера Вадима. Но она ни разу не произнесла:

– Юра, Вадим – твой брат, просто он так устроен. И, несмотря на его поведение, вы все равно остаетесь близкими людьми.

Варвара Сергеевна сама удивлялась и порой даже обижалась сдержанности старшего сына.

– Как ты предлагаешь с ним иметь дело, если из него полслова не вытащишь иногда, – однажды пожаловалась она мужу.

– Не имей, – отрезал Алексей Владимирович, – веди себя, как мачеха.

Больше Варвара Сергеевна не позволяла себе подобного, но наедине с младшим сыном не могла удержаться от обсуждения Вадима. Юра вступил в заговор не без удовольствия – по всему выходило, что, несмотря на возраст и способности старшего, он, Юрий, оказывался доверенным лицом матери.

Девочки стали обращать на него внимание еще в четвертом классе. Выражалось это в основном в дразнилках, толкании и обидных кличках. В пятом классе в него влюбилась главная отличница класса и скатилась до троек в четверти. По этому поводу заседал педсовет и даже вызывали в школу Варвару Сергеевну.

Ей было приятно слушать, что «мы все видим – мальчик не только способный, но и очень обаятельный. Когда приезжала английская делегация, он читал приветствие, и все были удивлены его произношением, а также свободной и достойной манерой держаться. Но, сами понимаете, возраст... Девочки... Родители...».

Варвара Сергеевна, с одной стороны, понимала абсурдность выговора – как-никак детям по двенадцать лет, а с другой – ее не покидало предчувствие, что всю жизнь Юру буду преследовать подобные претензии. Сделав брезгливое лицо, она сказала:

– Надо как следует воспитывать дочерей!

Педагогический коллектив школы с ней согласился.

Как раз именно до пятого класса никаких особых увлечений или пристрастий у Юры не было.

– Ветряк в голове, – говорил по этому поводу Алексей Владимирович, – просто пропеллер. Сквозняк. Ничего не задерживается.

И действительно, читал Юра мало, а если и читал, то что-то легкое, ничего из прочитанного не запоминал. Любил ходить в кино, но на вопрос, понравился ли фильм, отвечал неизменно: «Не знаю».

– Зачем тогда ходил? – спрашивал отец.

– А делать было нечего.

– В доме что-нибудь бы сделал. Матери помог бы.

– Хорошо, – спокойно отвечал сын, но все равно ничего не делал. Во-первых, мать не позволяла, во-вторых, чтобы что-то делать, нужно проявить хоть какую-то инициативу, заинтересованность. Юра благодушествовал, много и разнообразно рассуждал, но палец о палец не ударил.

А Варвару Сергеевну праздность сына умиляла.

– Творческая натура. С такими надо осторожно. Такие присматриваются, впитывают жизнь, изучают ее. А потом открывается талант, и...

– И они всю жизнь сидят на шее у родителей. – Алексей Владимирович оценивал ситуацию иначе.

В отличие от вечно занятого Вадима Юра слонялся по дому, отвлекал всех болтовней и не мог сосредоточиться на чем-то более пяти минут. Иногда же он вдруг загорался какой-то идеей и мог часами рассказывать, как можно и нужно претворить ее в жизнь.

К всеобщему удивлению, в самом начале одиннадцатого класса Юра увлекся рисованием. Увлечение началось с похода в Пушкинский музей. Веселое, легкомысленное мероприятие, во время которого можно было болтать и заигрывать с девочками, закончилось покупкой альбома русских художников начала двадцатого века. Дома, перелистав книгу, Юра вдруг почувствовал почти физическое желание взять в руки кисть. Казалось, что, будь у него под рукой масляные краски, он тут же бы изобразил вид из окна – старые липы, чугунные фонари и уток-мандаринок на водяном каре прудов. Ждать, размышлять и взвешивать Юра не любил, он поддавался импульсам, а потому на следующее утро обратился к Варваре Сергеевне:

– Мам, дай денег! Хочу купить краски и холсты.

Варвара Сергеевна возликовала и выдала приличную сумму со словами:

– Хочешь, договорюсь со знакомым художником – будет давать уроки?

– Потом, я попробую сам.

Теперь в комнатах пахло олифой, растворителем и масляными красками. Теперь пальцы Юры были испачканы, свет горел допоздна, а вернувшись из школы, он уже не садился обедать с матерью, а спешил дописать то, что не успел ночью. Были забыты друзья и подружки, Варвара Сергеевна умирала от любопытства, но сын не показывал наброски. Наступил день, когда Юрий принес в столовую несколько холстов и расставил их вдоль стены.

– Это что за кляксы? – У Алексея Владимировича не всегда получалось быть деликатным.

– Это осеннее небо в тучах, а по бокам кроны деревьев. – Юра не обиделся.

– Я поняла! Это ракурс снизу. Человек лежит на земле, среди деревьев, смотрит в небо. Так очень любят фотографировать! – воскликнула Варвара Сергеевна.

– Да, мам, ты права.

Несмотря на скепсис отца, Варвара Сергеевна видела, что у сына картина получилась. Она была написана примитивно, но очень верно были переданы перспектива и настроение. Одиночество, которое возникает наедине с огромным небом, Юра выразил через многослойные глубокие облака и уходящие ввысь тонкие ветви деревьев. Было очевидно, что способности у него есть, есть и чувство цвета.

– Юра, давай-ка походи на занятия к Борису Ивановичу, он художник известный, дает уроки редко, но для меня – согласится.

– Мам, потом, позже. – Сын был доволен впечатлением, которое произвело его «творчество». Алексей Владимирович, оставшись наедине с картиной, признался себе, что «он сам бы так нарисовать не мог, а потому, чем черт не шутит, вдруг у сына талант».

В студию художника Юра ходил старательно и даже написал множество этюдов на заданную тему. Самым неприятным занятием для него был рисунок. Тщательность, аккуратность и кропотливость этой работы его раздражали. «Я никогда не буду так рисовать! Каждый рисунок – это настроение, а значит, его можно выразить цветом, мазком, общей экспрессией», – думал он, читая замечания, которые на полях ватмана оставлял ему преподаватель.

– Тебе надо определиться – если ты будешь заниматься живописью, придется осваивать разные техники. Без этого ты никогда не сможешь изобразить главное, ради чего многие живописцы берутся за кисть, – человека, обнаженную натуру.

Обнаженную натуру Юре писать не хотелось. С большим удовольствием он просто рассматривал красивую рыжую девушку, которая иногда приходила в студию к художнику. Это происходило под вечер, когда занятия уже заканчивались, когда уже слышались смешки и все начинали переговариваться, когда в студии возникала атмосфера непринужденности. Эта девушка открывала дверь, проходила вдоль стены и, скинув верхнюю одежду, усаживалась на низкий диван. Обычно она была одета в темные узкие эластичные брюки, которые больше были похожи на непрозрачные колготки, длинный свитер и высокие черные ботфорты. Волосы она не закалывала, и они, прямые, шелковые, мягко ложились на ее плечи, спину, грудь. Выглядела девушка очень аккуратно – в глаза бросался алый маникюр на узких ногтях, всегда свежий,

яркий, словно ягоды барбариса. Она терпеливо ждала, пока закончатся занятия, листала книгу или журналы, которые были разбросаны повсюду в мастерской. Иногда она по-хозяйски наводила порядок на широких подоконниках, где стояли различные предметы для натюрмортов – гипсовые головы классиков, вазы, искусственные фрукты и цветы. По ее поведению было ясно, что она здесь свой человек. Юре нравились ее волосы, густые и яркие, еще он посматривал на художника и замечал, что тот с появлением девушки как-то менялся – оживал, подтягивался, голос его становился громким, требовательным. Девушка иногда бросала взгляд на учеников, но он ничего не выражал, на Бориса Ивановича, как показалось Юре, она смотрела иначе – «со значением».

– Это его телка. Он ее рисует, а потом... – со знанием дела произнес Николай, мобилизовавшийся из армии реставратор мебели. Он, слегка подзабывший полученные в реставрационном училище навыки, пришел подучиться, с тем чтобы потом пойти работать в один крупный музей. Среди всех, ходивших на занятия, он был самый старший и, видимо, опытный. Юра не одобрял подобный лексикон, и еще ему не хотелось думать, что эта красивая девушка, почти его ровесница, имеет отношения с их преподавателем. Борис Иванович был приятным молоджавым стариком, старше его родителей, и Юра знал его жену, Полину Аркадьевну, ровесницу и подругу матери. Полина Аркадьевна Юре очень нравилась – она была не только красивой, но и очень компанейской. «Она – комфортный человек, – говорила Варвара Сергеевна, – и большая умница. Никто так не разбирается в европейской архитектуре, как она». Впрочем, беседы дам больше касались моды, знакомых и детей. Разговоры эти были остроумными, веселыми и Юре из-за этого никогда не казались скучными. А взрослые его никогда не прогоняли.

«Врет этот Николай, не может этого быть! И потом, Борис Иванович меня знает. Вряд ли...» – думал Юра, тайком разглядывая девушку. И хотя ничего предосудительного заметить было невозможно, присутствие девушки тревожило, вносило беспокойство, мешало сосредоточиться. В один из вечеров девушка по обыкновению появилась к концу занятий. Бросив плащ на спинку дивана, она не устроилась с журналом, а достала из сумки расческу и стала собирать все волосы в высокий узел. Юра невольно повернул голову, задержал взгляд, увидев грациозный силуэт и тонкие руки, поднятые вверх. Волосы теперь не скрывали фигуру, и стало ясно, что у девушки тонкая талия, высокая грудь, которая упруго выделялась под тонким джемпером. И ее жесты, жесты женщины, которая знает, что ею любят, были медленны, словно в игре, в спектакле. Юрий мельком взглянул на преподавателя и вспыхнул. Он не понял, он почувствовал связь этих двоих, и от этого стало и стыдно, и страшно, и отчаянно горько. Было неловко за этого старика, у которого такая хорошая жена, стало жаль Полину Аркадьевну, и появилась злая зависть.

В этот вечер Юра не стал ужинать, а заперся у себя в комнате. Перед глазами стояла рыжая девушка, а в ушах звучали слова Бориса Ивановича:

– Юра, а мы с вами увидимся раньше, чем со всеми остальными. В субботу будем у вас в гостях.

Юра краем глаза уловил, что девушка на диване потянулась, повела плечами и, бросив взгляд на Бориса Ивановича, нетерпеливо покашляла.

– Ладно, ладно, до скорой встречи. Маме – привет! – заторопился художник.

«Что они там будут делать?! Не портрет же он пишет ее. Почти каждый вечер». Юра сидел за письменным столом и бесцельно смотрел в общую тетрадь с задачами по химии. На душе скребли кошки – хотелось с кем-то поговорить, поделиться тем настроением, которое никак его не оставляло. Но мать вряд ли бы его поняла, да и как все расскажешь про Бориса Ивановича, про рыжую девушку и собственное плохое настроение. Из соседней комнаты слышался шум – это старший брат разбирал свою библиотеку. «Вот если бы с ним можно было поговорить! Но ведь не поймет! Да и неинтересно это ему. Он, по-моему, помешался на этой своей «мышь», – Юра расстроился еще больше. Когда Вадим привел в дом свою Галю, младший брат только

диву давался. Он никак не мог понять, что можно найти в этой невзрачной простушке. Юре нравились яркие, колоритные девушки. Ради хохмы Юра попытался пококотничать с подругой Вадима, но, к своему удивлению, получил отпор.

– А в десятом классе отметку за поведение ставят? – спросила тихо Галя, намекая тем самым на разницу в возрасте, которая не позволяет серьезно относиться к попыткам доморощенного ловеласа.

Вадим же так и вовсе не заметил потуг брата. «Ничего, все еще впереди. Я ведь вырасту!» – подумал Юра обидчиво. Обижаться на брата ему очень нравилось – возраставший счет претензий открывал перед ним возможности для родственной мести. Ну конечно, в рамках невинных проказ.

Накануне гостей Варвара Сергеевна затеяла уборку, сама пекла торт, перемывала дорожную посуду. Обычно Юра ей не помогал, но, как правило, присутствовал, занимая разговорами. В этот раз он все больше отмалчивался.

– У тебя все хорошо? – удивленно спрашивала мать, гадая, отчего сын такой сумрачный.

В субботу, когда дом сиял и аппетитные запахи распространились даже на кладовую, Юрий предупредил родителей:

– Мама, я буду заниматься. Контрольная скоро. Ужинать со всеми не смогу.

– Вот еще! Не хватало этого. Вадим номер два! Нет уж, ты, пожалуйста, помоги встретить гостей, поговори с ними, посиди для приличия, а потом можешь хоть всю ночь гулять, – воскликнула Варвара Сергеевна, но, увидев расстроенное лицо сына, мягко добавила: – Юрочка, как же я без тебя?! Кто гостей поможет мне принять, поговорить с ними. Папа, сам знаешь, все больше о политике, Вадим – молчун, Анюта стесняется всех.

Юра посмотрел на мать – она была искренне огорчена. «Хорошо гостей принять, чтобы всем приятно было, чтобы люди уходить не хотели, – это тяжелый труд. Не у всякого это получается». Он слышал, как это часто говорила мать, и, хотя сейчас ему не было никакого дела до традиций и условностей – так было плохо на душе, он кивнул.

– Ладно, только недолго.

Борис Иванович с женой появились в доме шумно, с цветами, кучей свертков и большим тортом. Все сразу заохали, одновременно произнесли множество ничего не значащих приятных слов, засуетились. Юрий помог раздеться Полине Аркадьевне, поставил цветы в вазу, проводил в гостиную.

– Юра, ты стал таким видным, красивым и совсем взрослым. – Полина Аркадьевна окинула его взглядом. – Вот если бы у нас была дочь, я ее за тебя выдала бы замуж. Но...

У Бориса Ивановича и его жены детей не было, и Юра слышал, как мать успокаивала подругу:

– Зато ты выглядишь на десять лет моложе. А я со своими тремя и здоровье, и красоту подрастеряла.

Юра знал, что мать лукавит, просто надо было утешить подругу. Ко всем троим детям Спиридоновых Полина Аркадьевна относилась ласково и заботливо, словно возмещала нехватку собственного материнства.

Пока в доме царил эта суета, Юра отвлекся от своих мыслей и даже стал развлекаться наблюдениями. Было что-то новое в его положении – знал чужую тайну и смотрел, как она меняет поведение человека. Было очень странно уличить, нет, скорее, подозревать Бориса Ивановича в измене и наблюдать, как он с преувеличенной заботой хлопочет вокруг жены.

– Полина у меня молодец, по утрам трусцой бегаёт, – горделиво говорил Борис Иванович, – не в пример мне. Впрочем, что я? Я старик. Мне скоро на завалинке сидеть.

Тон, с которой была произнесена эта фраза, Юру покорибил. Будучи с малолетства близок к миру взрослых, проводящий много времени с матерью и ее знакомыми, он быстро научился распознавать тонкие эмоциональные сигналы. В определенном смысле он повзрослел

рано, узнав массу нюансов в отношениях между людьми. К тому же интерес к рыжей девушке, стремительно перерастающий во влюбленность, сделал его пристрастным слушателем и наблюдателем всего, что имело отношение к объекту внимания. И теперь Юра ясно прочитал в словах Бориса Ивановича и горделивое мужское бахвальство, и снисходительность, и затаенную радость от того, что есть «что-то», о чем знает только он, Борис Иванович, и это «что-то» делает его щедрым, добрым, великодушным. «Нет, он же старый, совсем старый! – Юра перевел взгляд на Бориса Ивановича. – У него и шея дряблая над воротником рубашки, и руки жилистые. Он молодым кажется только издали. Не может быть, чтобы они...»

– Извините, я забыл, мне надо еще кое-что сделать. – Юра неожиданно встал из-за стола. Варвара Сергеевна удивленно подняла голову, но потом, вспомнив уговор, ласково кивнула:

– Конечно, приходи чай пить. Мы с Полиной Аркадьевной такие торты испекли!

Целый час он просидел в своей комнате, пытаясь заниматься, – листал тетради и учебник, что-то выписывал, но делал это механически, ничего не запоминая. В голову лезли только мысли о рыжеволосой девушке: «Как они познакомились? Интересно, где она сейчас? Чем занимается или тоже с кем-то в гостях? Он сейчас изображает заботливого мужа, а она?» Злость от невозможности обладать женщиной, невозможности так просто совершить то, что многие его сверстники уже совершили, то, чем этот старый художник тайно гордится, переполняла его.

Пытаясь отвлечься, он начал вспоминать Сандру, ту самую девочку, которая ему нравилась еще год назад и с которой он уже целовался темными вечерами на Патриках, но и Сандра, и сами свидания с поцелуями казались теперь ненужной тратой времени, чем-то дурацким, от чего с легкостью можно отказаться. Ему сейчас нужна была эта рыжая – с ее тайнами (а они обязательно должны были быть), с ее историей, с ее жизнью.

Юра посмотрел на темное окно, за которым ничего не было видно, и чуть не заплакал от бессилия. Казалось, он сейчас стремительно вырос, вырастая из отношений с матерью, из школьных забав и дружбы, из юношеской доверчивости. Все, чем наполнялись прежние дни, все это теперь тянуло назад, в детство, в прошлое, и все это хотелось бросить – таким теперь это все казалось пресным. Хотелось освободиться и зажечь полной новых ощущений жизнью.

Он почувствовал, как стали влажными ладони, как зашумело в ушах. Чувство, которое он испытал, которое полностью его поглотило, было новым и называлось «желанием обладать женщиной». Препградой были возраст и статус. Он – старшеклассник, но все же – школьник. Школяр, ребенок. Юра со злостью захлопнул учебник. Помыкавшись с геометрией, из которой ровным счетом ничего не понял, он решительно встал, умылся и опять появился в гостиной.

– Вот наконец-то хоть один молодой человек появился! – воскликнула Полина Аркадьевна. – А то мы тут уже утомились от воспоминаний, любимого занятия стариков.

– Какая же вы старуха! – неожиданно с чувством произнес Юра. – Я теперь занимаюсь рисунком, нам Борис Иванович рассказывал о пропорциях, так вот я скажу: у вас молодое, удивительно гармоничное лицо.

Варвара Сергеевна с изумлением посмотрела на сына – он был учтивым юношей, но сейчас в его восклицании было чувство, искреннее, живое. Это был не просто светский комплимент.

– Кстати, как твои успехи? Борис Иванович, говорит, что у тебя есть способности, – улыбнулась Полина Аркадьевна.

– Да, есть, немного рисунок хромает, но все остальное выше всяких похвал. Я очень доволен, – включился в разговор Борис Иванович.

– Боря, спасибо тебе. – Варвара Сергеевна встала, приобняла за плечи художника. – Очень важно, чтобы в таком возрасте ребенок понял, к чему душа лежит.

– Какой он ребенок? Это уже жених. Твои сыновья стали совсем большими, а ты, Варя, и не заметила, – рассмеялся Борис Иванович.

– Ну, до женихов они еще не доросли. Учеба вся еще впереди.

– Борис Иванович, а какие у нас еще занятия будут? Кроме рисунка. Мы будем ездить на этюды? – Юра повернулся к художнику.

– Конечно, только позже. Нам еще многое надо освоить..

– И портреты мы будем рисовать? – Юра положил себе кусок торта и теперь ел его, стараясь не смотреть на родителей и гостей. Он решил зайти издалека, чтобы хоть намеком, хоть какой-то маленькой зацепочкой проложить себе путь к дальнейшим действиям.

– Конечно, но, боюсь, тогда ты уже будешь готовиться в институт, и времени на живопись будет мало. Ну а потом, студенческая жизнь, девушки...

– А я, может, в художественный поступать буду.

– Юра, это надо обдумать. – Варвара Сергеевна все, что касалось младшего сына, воспринимала очень серьезно. Даже простой разговор.

– Конечно, – Юра кивнул. – А было бы здорово! У вас бы смог продолжать учебу. Или дополнительно. У нас ведь в группе есть ваши студенты?

– Нет, – рассеянно ответил Борис Иванович.

– А эта, которая приходит уже к самому концу занятий?

Юра специально не закончил фразу, потянулся к чашке и вдруг услышал странную тишину, которая разлилась по гостиной.

– Ах, эта?! Да, но она... Нет, она... Она уже на втором курсе...

Борис Иванович пустился в долгие объяснения, Варвара Сергеевна, порозовев, стала сметать крошки со стола, чего никогда при гостях не делала, Полина Аркадьевна еще улыбалась, но это была улыбка испорченного настроения. Алексей Владимирович пытался перебить художника, а у Юры выпрыгивало сердце. Он уже знал, куда завтра пойдет вместо первого урока.

Нельзя сказать, что поздняя осень подходящее время для подобных мероприятий. Выходя из дома в семь тридцать, в восемь Юра уже был на «Кропоткинской» в переулке Сивцев Вражек, где в старом особняке располагалось художественное училище. Походив вдоль ограды, он потом перебирался ближе к входной двери и, делая вид, что вот-вот пройдет в здание, рассматривал плотный поток студентов. Юра обратил внимание, что среди учеников с мольбертами и папками было много симпатичных девушек, но рыжей не было. Он обычно ждал до десяти часов – многие приезжали ко второй паре, и только потом ехал в школу. В школе теперь держался особняком, после уроков быстро шел домой и мысленно торопил время – быстрее бы наступило утро, и можно было бы опять поехать на Сивцев Вражек. Всем своим поведением он сейчас очень напоминал старшего брата. Кстати, Вадима он однажды встретил на углу Смоленской площади. Тот посмотрел на брата, но не улыбнулся. Юра же от неожиданности быстро и возбужденно заговорил:

– А ты куда? По делам? Когда зайдешь? – Он частил словами, не слушая ответов. Впрочем, ответа бы все равно не последовало. Разойдясь же в разные стороны, каждый осудил другого. «Шалопай!» – почти равнодушно подумал Вадим. «Зануда и медведь. Мама права, не умеет ни говорить, ни вести себя». Юру задело равнодушие брата. Было бы приятно, если бы он заговорщицки спросил, что тот тут делает. Можно было намекнуть на тайну или даже поделиться ею по-мужски, совсем по-взрослому. Впрочем, в равнодушии было одно преимущество – Вадим ничего никогда не скажет родителям. «А я бы проболтался. Это точно!» – вдруг самокритично подумал Юра.

На занятия к Борису Ивановичу он тоже перестал ходить: «Ничего страшного, мама меня не убьет, что-нибудь придумаю. Не надо, чтобы эта рыжая меня заметила там, в студии. Лучше всего познакомиться где-нибудь в нейтральном месте. А там я словно под колпаком, маменькин сынок».

Ее он увидел рано утром, на пятый день. Приехав раньше обыкновенного, Юра решил было пройти до угла переулка. В домах еще горели электрическим светом окна – осеннее утро было пасмурным. Юра поднял воротник куртки, сунул руки в карманы и пошел по переулку. Наверное, только он один в этот утренний час никуда не торопился. Он дошел до угла, прочитал текст на мемориальной доске, которая выступала с фасада крайнего дома, развернулся и пошел назад. И в это время его обогнала она. В своем плаще, черных мягких сапожках, с закрученными волосами, которые казались мокрыми. Она шла быстрым шагом, а он, растерявшийся, не знал, что делать. Вот сейчас она скроется в дверях училища, и придется ему целый день караулить ее. Он перебрал с плеча на плечо рюкзак с книгами, ускорил шаг, а у самых ворот закричал:

– Девушка, скажите, вы не здесь учитесь?

Она обернулась, и Юра увидел, какие у нее глаза. Они были карими с рыжим отливом. Лицо круглое, немного широкое в скулах, немного смуглое. Вблизи, в утреннем свете, девушка не была красавицей, но Юра этого даже не понял. Он только почувствовал глухие удары где-то в области селезенки.

– Да, учусь, – ответила она и продолжала спокойно смотреть на него.

– А вы не подскажете, где деканат? В этом же здании? Я специально пораньше приехал, но все закрыто...

Они тем временем дошли до двери, девушка потянула за отполированную руками ручку и произнесла:

– Уже открылись. Пойдемте покажу, мне тоже туда надо. А ловить их надо только с утра. Это вы правильно сделали, что приехали рано.

Они вошли в вестибюль. Вахтер, глядя сквозь них, спросил, куда они, и, не дожидаясь ответа, отвернулся к свежей газете.

– Нам на второй этаж. Сейчас, секундочку, волосы поправлю, а то высушить не успела, – произнесла девушка и остановилась у большого зеркала. Юра последовал за ней и тоже остановился. Стараясь не смотреть, как она расчесывает волосы, он перевел взгляд на свое отражение, и сердце его упало: рядом с девушкой стоял совсем мальчишка, в форменном пиджаке с эмблемой школы, рюкзак с учебниками за плечами. Выражение лица у него было совсем детским – растерянность, утренний недосып и смущение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.